

Дарья Калинина

Криминал на лабутенах

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Дарья Калинина
Криминал на лабутенах

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Калинина Д. А.

Криминал на лабутенах / Д. А. Калинина — «Эксмо», 2016

Новогодние чудеса случаются не только в канун Нового года – это любительница частного сыска Мариша усвоила твердо. Как обычно, она не собиралась ни во что вмешиваться, но разве можно остаться в стороне, когда в беду попадает родной отец? А то, что он в свои восемьдесят по-прежнему нравится двадцатилетним красоткам, Маришу должно только радовать. Конечно, она и не думала ревновать папу, разве что самую чуточку... Интуиция любящей дочери, женское очарование и фирменная Маришина доверчивость – без этого универсального набора следствие так и не сдвинулось бы с мертвой точки. Особенно когда красавиц вокруг с каждым днем все больше...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Калинина Д. А., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	24
Глава 4	35
Глава 5	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Дарья Калинина

Криминал на лабутенах

© Калинина Д. А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Глава 1

Всякий раз, как Мариша входила в здание начальной школы, настроение у нее неизменно улучшалось. И дело не только в том, что в этой школе училась ее любимая племянница Катюша, которая временно проживала и воспитывалась у Мариши. Было что-то еще. Что-то очень бодрое и жизнелюбивое, что слышалось в шуме детских голосов, в запахе свежей сдобы, доносящемся из столовой, в ожидающих вдоль стен чуточку смущенных родителях и бабушках с редкими вкраплениями дедушек.

И даже когда в холле было пусто, из столовой пахло капустой, а у детей, вот как сейчас, уже закончились уроки, школьная аура все равно работала. Мариша шла, напевая и присвистывая полюбившийся ей мотивчик, настроение у нее было прекрасное, и кому-то позарез понадобилось это изменить.

Возле вахты Маришу остановил грозный окрик:

– Вы куда это направляетесь?

– Что?

– Куда идете, говорю? – поинтересовалась у Мариши очень строгим голосом Клеопатра Сергеевна, которую все в школе звали запросто – тетя Клепа.

Если говорить честно, эта дама отвечала исключительно за порядок в гардеробе. Но вела она себя так, словно под ее началом были не только гардероб и первый этаж, а вся школа. И хотя тетя Клепа прекрасно знала Маришу, знала, кому из учеников Мариша приходится родней, видела их вдвоем с Катюшей каждый будний день по два раза, до занятий и после, вахтерша все равно неожиданно проявляла строгость.

– Куда идете? – повторила она в третий раз, так что уж теперь было ясно, что никакой ошибки нет и тете Клепе и впрямь позарез нужно это знать.

– Туда. Наверх.

Мариша не ожидала сложностей, всегда проходила спокойно внутрь школы, и на кружки за Катюшей, и на танцы за ней же, и проблем никогда не возникало.

– Наверх пройти нельзя, – вдруг резко произнесла вахтерша.

– С чего вдруг?

– Распоряжение директора.

– Какое распоряжение?

– В связи с повышением террористической угрозы во всем мире вообще и у нас в стране в частности наверх на этажи могут проходить только сотрудники школы и ученики.

– А как же мне быть? – растерялась Мариша. – Я принесла подарки к Новому году для детей Донбасса. Объявление у вас вон висит...

Объявление действительно висело. Причем висело оно прямо над головой тети Клепы и написано было красным фломастером огромными буквами, чтобы можно было его видеть издалека. В объявлении предлагалось всем желающим сделать своими руками или купить какой-нибудь небольшой подарочек для детей в далеком, но таком близком и родном нам крае. А затем отнести его в кабинет номер пять.

– Ах, вы насчет подарков! – сменила гнев на милость тетя Клепа. – Что же вы сразу не сказали! Если с подарками, то это вам в пятый кабинет к Элеоноре. Проходите, пожалуйста.

– А туда можно?

– В пятый кабинет можно, – с важным видом кивнула тетя Клепа.

– А распоряжение директора? – решила все же уточнить Мариша.

– Пятый – это не наверх, он же на первом этаже находится. Проходите.

И Мариша прошла, про себя поражаясь логике наших людей. Ведь чтобы дойти до пятого кабинета, ей нужно было пройти как раз мимо лестницы, ведущей наверх, миновать

большую часть коридора и почти вплотную приблизиться к другой лестнице, по которой можно было взлететь на любой этаж за считанные секунды.

В коридоре первого этажа Марише не встретила ни единая живая душа, которая могла бы помешать ей это сделать. Сама ответственная за порядок тетя Клепа ни в большой принесенный Маришей пакет носа не сунула, ни провожать Маришу не стала. Так что ничто и никто не мог помешать сейчас Марише подняться наверх, будь у нее такое желание, и оставить там свой пакет и все, что в нем находилось. Хорошо, что у Мариши было сейчас лишь одно желание – пристроить свой пакет в этот самый пятый кабинет и забыть о нем и о том, что накануне новогодних праздников ей пришла охота делать добро.

Пакет получился большим, он порядком уже оттянул Марише руки за время транспортировки до школы. Она даже подумала, что зря столько всего в порыве благотворительности притащила. Однако Элеонора, которая оказалась совсем молоденькой девчонкой-волонтером, симпатичной, живой и общительной, заверила ее, что все – абсолютно все пригодится.

– У нас такие отзывчивые и сердечные люди! – радостно щебетала она. – Видите, сколько всего ученики и их родители принесли. Я так рада!

Пятый кабинет и впрямь был почти до самых окон завален мешками с новогодней символикой, так что для Элеоноры тут оставалась лишь узенькая тропинка. Мариша была явно не одинока в своем стремлении делать под Новый год добрые дела. Она добавила свой пакет к общей груде, еще раз порадовалась, как много всего удалось собрать в одной только их школе, и повернулась, чтобы уходить.

У дверей ее остановил робкий голос Элеоноры:

– Извините... Но вы мне не поможете?

– Конечно, – тут же развернулась назад Мариша. – А что надо сделать?

– Помогите мне передвинуть этот стол вон в тот угол. Тогда освободится еще место, чтобы складывать подарки. Впереди еще несколько дней работы, уверена, что люди принесут и еще.

Огромный письменный стол был и впрямь слишком велик для того, чтобы его могла двигать в одиночку пусть и высокая, но худенькая и почти прозрачная девушка. Элеонора с ее длинными, рассыпающимися по плечам светлыми волосами была похожа на волшебницу фею – прекрасную, изящную и очень нежную. Стол же был просто каким-то мастодонтом среди столов – огромным, неуклюжим и страшно тяжелым.

Но вдвоем они все же справились с ним. Запыхались, покрылись испариной, но справились.

– Неужели мужчин нет, чтобы вам помочь?

– Есть, – произнесла Элеонора и отчего-то щеки у нее трогательно порозовели. – Но у них свои дела. Да и пока их дозовешься! А вам огромное от меня спасибо.

– Пожалуйста. Всегда рада помочь.

Мариша хотела уйти, но Элеонора не отпустила ее так сразу. Остановила и стала рассказывать, с какими замечательными людьми ей удалось познакомиться в своей жизни. Какая она счастливая, что вокруг все такие хорошие. Мариша слушала ее, не перебивая, и думала про себя, что во время общения сходство Элеоноры с прекрасной сказочной феей только возрастает.

Разговорившись и еще больше оживившись, Элеонора стала просто чудо как хороша. Только зря она так небрежно одевается. Что за манера у молодых красивых девушек наряжаться в грубые мешковатые куртки. И все же что-то в восторженной речи девушки и всем ее облике Маришу настораживало. Слишком уж эта девушка хороша и мила для их грешного мира. Как бы не быть тут беде!

Элеонора тем временем плавно подобралась к Новому году и призналась Марише, что от следующего года ждет только самого хорошего. И уверена, что год ее ожидания не обманет.

– Ну, в этом вы не одиноки, – рассмеялась Мариша. – Все люди во всем мире верят в то, что в новом году их ждет счастье.

– Но у меня для ожидания счастья есть особая причина.

И снова затрепетав, Элеонора призналась:

– Я ведь выхожу замуж.

После этого Элеонора опять трогательно покраснела. А Марише теперь стала понятна причина такого настроения девушки. Элеонора была влюблена, всего-то лишь.

– Очень рада за вас. Свадьба – это дело хорошее. Особенно когда выходишь замуж за любимого.

– Очень любимого! – затрепетала Элеонора.

У нее пылали не только щеки, но даже кончики ушей порозовели. И глаза сияли, словно два солнца. Элеонора была так полна своим счастьем, что оно буквально изливалось на весь окружающий ее мир.

– Поздравляю и вас, и вашего счастливицу-жениха.

После этого Мариша наконец попрощалась с Элеонорой и пошла, как она думала, из школы.

Но так скоро ей это сделать не удалось. Уже в коридоре у Мариши внезапно разболелся живот. Да так сильно! И с чего бы это? Такое прекрасное было настроение, и вдруг резь в желудке. Впрочем, Мариша, кажется, знала, от чего возникла боль. Всею виной была баранья отбивная с черносливом, которую она слопала перед тем, как выйти сегодня из дома. Баранину принесла ее мама и не ушла, пока Мариша не потушила мясо. Убедить маму в том, что сейчас Рождественский пост и баранину, пусть даже наисвежайшую, употреблять в пищу не стоит, у Мариши не получилось. Мама начала обижаться, губы у нее задрожали.

– Ну, ясно, что я ни сделаю, все вам плохо! Специально на другой конец города ездила, чтобы у Тамары ножку ягненка взять. Потом к мяснику, чтобы разделал. Взяла, разделала, привезла. И что? Где благодарность?

– Мама, но я тебя об этом не просила. Наоборот, еще три недели назад сказала, что начался Рождественский пост, мяса не едим. Зачем ты привезла эту баранину? Давай я ее заморожу.

– Но парное же мясо! – не сдавалась мама. – Нельзя ее замораживать. Весь вкус пропадет!

И видя, что дочь упрямится, хитрая мама зашла с другой стороны:

– Специально для Светочки баранинку привезла, у нее легкие слабенькие. И Лешке надо много белка, вон он какой длиннющий вымахал. А детям вообще пост соблюдать нельзя.

– Это кто сказал?

– Врачи! Врачи сказали, а не твои мракобесы-попы!

Мариша молчала, потому что чувствовала: разговор у них зашел куда-то не туда. Но мама уже вошла в раж:

– Кручусь, кручусь целыми днями, а вы все время мной недовольны!

Мама у Мариши всегда обижалась неподдельно и очень искренне. Еще немного, и она саму себя бы убедила в том, что она худшая мать на свете, а там и до гипертонического криза недалеко. Мама обладала удивительной способностью накручивать саму себя до такой степени, что и давление у нее подскакивало, и сердце начинало стучать как бешеное, и бледнела она вполне натурально.

Поэтому Мариша вовремя вспомнила слова какого-то славного батюшки, которого увидела по телевизору. Он говорил, что главное в пост – не есть нервы друг друга, так что Марише оставалось только примирительно сказать:

– Ладно. Если хочешь, давай потушим этого барашка.

Мясо и впрямь всем понравилось. Дети наворачивали за обе щеки. Мариша крепилась три дня, но когда сегодня оказалось, что от барашка остался последний маленький кусочек, на который никто не претендует, потому что объелись парным мясом в прошлые дни, и к тому же ничего другого в доме пожевать нет, она сдалась. Баранину никто из детей больше не хотел, пришлось бы кусочек все равно выкидывать, и хозяйственная жилка взяла верх над благоразумием. Мясо она доела, а теперь вот расплачивалась. То ли чернослив, то ли трехдневная баранина, то ли угрызения совести, что в пост трескает мясное, то ли все это вместе, но жуткое бурление у Мариши в животе не заставило себя ждать.

– Ой-ой-ой!

Мариша поглядела по сторонам. Ага, вот и заветная дверь с изображением силуэта дамы в хорошо знакомом всем бывшим советским девочкам черном треугольном платице. Мариша проворно проскользнула внутрь, порадовавшись, что здесь целых три кабинки. Значит, она никому не помешает. Мариша устроилась поудобнее и тут внезапно услышала, как в туалет вошел еще кто-то.

А затем до Мариши донесся женский голос, который произнес:

– Ты права, Элеонора ведет себя просто непорядочно.

Видимо, это было продолжение какого-то разговора, который начался еще в коридоре, потому что другой голос тут же откликнулся:

– Да, я уже думала сообщить об этом ее Рудику.

– Вряд ли он сумеет на нее повлиять.

– О, ты еще не знаешь Рудика.

– Он мямля! – заявил первый голос. – Элька крутит им как хочет.

– Это не так. Говорю тебе, Рудольф может действовать очень жестко.

– Тебе-то откуда это знать?

– А вот знаю.

Затем учительницы, или кто там был, разошлись по кабинкам, и больше Марише ничего услышать не удалось. Да она и не планировала. Живот у нее неожиданно совершенно перестал болеть, она выскочила обратно в коридор и поспешила куда и планировала попасть сегодня, в гости к своему папе.

Надо сказать, родители Мариши развелись очень давно, в глубоком детстве самой Мариши. И с тех пор ни о какой дружбе между ее предками речи не было, да они к ней и не рвались. Так что общение с родителями Марише приходилось разделять и четко дозировать. Когда к ней в гости приходила мама, отец никогда там не появлялся. Если сегодня Мариша отправлялась с визитом к папочке, ее мама оставалась у себя дома или занималась другими делами, но к дочери не показывалась, демонстрируя тем самым свое неодобрение.

Раньше папа жил в другом городе – нашей столице Москве, у дочери появлялся редко, вообще практически не появлялся, и поэтому общение с ним проблем у Мариши не вызывало. Раньше оно преимущественно сводилось к разговорам по телефону или скайпу, но год назад папа вдруг возымел желание переехать поближе к своей старшей дочери и внукам.

Марише казалось, что свое решение отец принял несколько необдуманно, просто под влиянием развода со своей второй женой, которая, кстати говоря, была его моложе почти вдвое. Ведь если папе было к восьмидесяти, то его супруга лишь недавно отпраздновала свое сорокалетие, была женщиной, что называется, в самом соку. Видимо, отцу тяжело далось бегство его сравнительно молодой супруги, потому что он как-то внезапно одряхлел, сдался. И Мариша была поражена, когда увидела своего отца, выходящего из поезда.

Это был настоящий старик, седой, сутулый, опирающийся на палочку, и даже голова у отца вроде бы тряслась. Бедный папа! Как тяжело далось ему предательство жены! Мариша знала со слов отца, что та женщина ему изменила, ушла от него к другому. И Мариша искренне сочувствовала папе, хотя и не думала, что все с ним так плохо. Ведь еще совсем недавно папа производил впечатление лишь убеленного сединой импозантного мужчины.

И еще папа прослезился, увидев встречающую его на перроне Маришу. Обнял ее и дрожащим от чувств голосом произнес:

– Доченька, только ты у меня и осталась. Ты и еще Лешка со Светулькой.

Это он имел в виду детей Мариши – своих внуков. До сих пор он видел их лишь по скайпу, а теперь был счастлив познакомиться с ними лично.

– Поселюсь рядом с вами... – мечтал папаша. – Нет, нет, не бледней, пожалуйста, доченька, к вам в квартиру я не въеду. Мы с тобой выберем мне квартирку где-нибудь поблизости от твоего дома, маленькое холостяцкое гнездышко, где вы втроем будете навещать меня – одинокого старика.

Подходящая квартирка нашлась быстро, и папа в ней поселился. Нельзя сказать, чтобы он так уж рвался видеть своих внуков. Да и визиты Мариши к нему просил согласовывать по времени, не всегда же ему удобно принять гостью, пусть даже эта гостья его родная дочь. Что касается Маришиной мамы, то она и вовсе не пришла в восторг от появления отца в жизни дочери.

– Совершенно не понимаю, почему этот человек соизволил явиться сюда! Он больше половины твоей жизни и знать о тебе не хотел, а тут вдруг свалился словно снег на голову! Нужен он тебе!

– Мама, но ведь он мой отец.

– И что? Теперь он почти инвалид, как ты мне рассказывала. И ты будешь ухаживать за ним?

– Понадобится – так буду.

– Ну ладно, – воинственно произнесла мама, – только учти, пожалуйста, ни Лешку, ни Светку я тебе к этому пристроить не позволю! Еще не хватало, чтобы ты на ребят взвалила эту работу!

Совершенно было неясно, почему мама решила, что Мариша собирается пристраивать своих детей к уходу за дедом.

И Мариша сказала:

– Вообще-то папа вполне способен за собой поухаживать и сам.

– Ну-ну! – поджала губы мама. – Ты мне-то это не рассказывай. Он и в молодости-то не был способен на такое. Вечно ему то принеси, то подай, то забери. А уж под старость-то и подавно. Могу себе представить, что тебя ждет! Каторга! Будешь за ним бегать, мыть, убирать и все подтирать!

В принципе мама оказалась права. Папа честно старался вести холостяцкий образ жизни, но получалось это у него с непривычки плохо. То яичницу сожжет, так что сковородку надо выкидывать и бежать покупать новую. То суп выкипит, и все в квартире провоняет противной гарью, надо проветривать да и кастрюлю отмачивать несколько дней. Поход в магазин начинался с составления списка необходимых покупок накануне вечером, что было отнюдь не прихотью, а прямо-таки необходимостью, потому что в магазинах папа терялся и забывал, что ему нужно купить.

К составлению списка покупок папа подходил со всей обстоятельностью и составлял его в лучшем случае за час. А в худшем перед какими-нибудь торжествами возился часа четыре, никак не меньше, скрупулезно внося все новые и новые наименования. Надо отдать ему должное, свои недостатки он прекрасно сознавал, поэтому к составлению списка приступал заблаговременно еще с вечера.

– Ну вот и все! – с гордостью говорил он, изучая список.

Потом он благополучно эту бумажку терял, и следующие несколько часов уходили уже на то, чтобы ее найти. Когда он ее обнаруживал, чаще всего в кармане собственных брюк или пальто, обычно наступало уже утро, время собственно похода в магазин.

Тут уж папа был поистине неподражаем. Сборы куда-либо были его коронным номером! Одеваясь, он терял по очереди перчатки, ботинки, свежую рубашку и даже брюки. А уж шляпа... Шляпу папа умудрялся потерять за одно утро не меньше пяти раз. Удивительно неуживчивая у него была шляпа. Но зато, находя ее, папа всякий раз радовался словно ребенок и заверял самого себя:

– Теперь-то я уж ее надежно спрячу.

И прятал. И забывал, где спрятал, и снова принимался искать. Такой он был – славный, чуточку беспомощный, чуточку избалованный, но все равно безмерно любимый Маришей папа.

И если все у них складывалось благополучно, то часам к десяти папа все-таки выходил из дома. И тут же обнаруживал, что оделся совсем не по погоде. Если светило солнце, он был в плаще и с зонтом. Если шел дождь, папа неизменно появлялся на улице в легкой шляпеканотье.

– Что тебе стоит посмотреть в окно, прежде чем одеваться? – недоумевала Мариша.

На что папа с чувством собственного достоинства, которое он не терял никогда, отвечал, что он именно так и делал.

– И там светило солнце, клянусь тебе! Просто за то время, что я одевался, собрались тучки.

В принципе такое запросто могло быть, потому что папа никогда-никогда-никогда не собирался меньше часа. А за час наша питерская погода способна и не на такие метаморфозы.

Мариша помогала папе где могла и когда могла. Но она и сама чувствовала, что мрачные мамины предсказания сбываются самым неприятным для нее образом. В быту папа оказался настоящим ребенком и даже хуже того. Потому что ребенка можно было просто взять за руку и отвести туда, куда нужно, а папа еще имел свои принципы, свои представления о том, как нужно поступать в том или ином случае, и требовал, чтобы с его мнением обязательно считались, даже если дочь настаивала сделать по-иному.

– Я лучше знаю! Жизнь прожил!

В результате всех этих бытовых трудностей, беготни и хлопот Мариша похудела на три килограмма и чувствовала себя не лучшим образом. Да еще мама регулярно ехидно осведомлялась, долго ли ее дочь собирается мучить себя ради человека, который за всю жизнь пальцем о палец ради нее не ударил.

– То, что он платил на тебя алименты, так это просто потому, что иначе он не мог. Времена тогда были такие, что не заплати он алименты вовремя и в полном объеме, его советская власть посадила бы за решетку!

– Мама, я не ради алиментов.

– Тогда что ты от него хочешь? Надеешься, что наследство и квартиру он тебе оставит? Тоже не факт! Я узнавала, у него есть еще ребенок.

– Ну при чем тут квартира!

Поняв, что с этой стороны ей дочь не урезонить, мама попыталась использовать свое испытанное оружие – обиду.

– Интересно мне знать, ради меня ты бы стала так стараться? Или оставила бы меня помирать в грязи, одиночестве и запустении, а сама помчалась бы к своему ненаглядному папочке?

– Мама, типун тебе на язык.

– Не пойму, чем он тебя улестил! – не сдавалась мама. – Меня-то ты на дачу загнала, за тридевять земель, а его поближе к себе поселила.

– Мама, он сам так захотел – жить со мной рядом! И позволь тебе напомнить, желание жить на свежем воздухе было тоже целиком и полностью твоим. И квартиру я тебе поменять предлагала, но ты всякий раз находила предлог, чтобы остаться на прежнем месте. Дескать, магазины и поликлиника тебе там знакомы. А отец даже из другого города не побоялся съехать и ко мне поближе переехать.

Мама в ответ обиженно вздыхала и, прибегая к испытанному средству, уверяла, что у нее сильно кружится голова и сейчас она точно потеряет сознание. Голос у нее при этом был такой слабый, что у Мариши у самой сердце щемило. И приходилось или мчаться к маме, а это не такой уж близкий путь, или просить соседей, чтобы те заглянули к маме и проверили, жива ли еще старушка. Хотя Мариша в душе понимала, что ее мама просто притворяется, но у нее крошечное сомнение оставалось. А вдруг нет? Вдруг маме и впрямь стало плохо после их эмоционального разговора? Ведь это же мама, и мама безмерно любимая, которой Мариша могла простить все на свете, даже такое негативное отношение к ее отцу.

Зима в плане лавирования между своими родителями для Мариши была самым сложным периодом. Потому что в теплое время года мама жила на даче практически безвылазно, лишь изредка одаривая своих близких телефонным звонком. Там у пожилой дамы было много дел в огороде, в саду и просто по хозяйству, поэтому мамино недовольство несколько заземлялось. И Марише доставалось от нее негатива поменьше. Но этой зимой мама перебралась в город, поручив свой курятник, собак и прочую живность соседям, которым за эту услугу обещала весь доход от птицы в виде яиц и цыплят.

– И молоко от коз, и шерсть от овец, пусть берут все, мне не жалко. Даже ягнят с козлятами, если без меня родятся, пусть тоже забирают!

Марише даже казалось, что на столь радикальные меры ее мама пошла исключительно для того, чтобы быть ближе к дочери и внукам и контролировать влияние своего бывшего мужа на их неокрепшие умы.

– Что бы ты мне ни говорила, а человек он дурной!

– Не может он быть совсем плохим, раз уж ты когда-то за него замуж вышла.

– Дурой я тогда была! Полной дурой! А ты моих ошибок не повторяй. И что с того, что по документам он тебе отцом числится, а твоим детям – дедом? Держись от него подальше! Ах, как жаль, что ты мне сразу же не сказала, что этот человек вновь нарисовался в нашей жизни!

И теперь Марише приходилось всякий раз изворачиваться и придумывать отговорки, чтобы навестить папу, не уведомляя об этом маму. Это ей удавалось далеко не всегда. И всякий раз, когда маме доводилось узнать о том, что ее дочь была у «этого человека», настроение у женщины портилось конкретно. Причем у мамы словно бы чутье просыпалось: стоило Марише пойти к отцу, как мама уже звонила ей.

– Ты где? – подозрительно осведомлялась она. – Почему не дома? Куда идешь?

И Мариша знала, если сказать правду, мама немедленно примется «умирать», лишь бы не допустить очередной встречи дочери с отцом. Чего в этом было больше, материнской ревности или заботы, Мариша сказать затруднялась. Сдавалось ей, что того и другого поровну. А еще примешивались чисто женская вредность и мстительность. Мама не могла забыть Маришиному отцу его многочисленных измен и развода. И поэтому при всяком удобном случае старалась ужалить его побольнее. А если такой случай слишком долго не подворачивался, фабриковала его сама.

Мама всячески подчеркивала, что запретить Марише общаться с отцом, конечно, она не может, но ей это будет очень неприятно. Причем красок в описании своих ощущений она не жалела. И с короткого поводка дочку не спускала.

Вот и сейчас, стоило Марише выйти из школы и направиться в сторону папиного дома, как у нее в кармане немедленно раздалась вибрация. Почти не сомневаясь, кто это ей может звонить, Мариша извлекла смартфон. Конечно, это была мама. И конечно, она хотела знать, где находится ее ненаглядная дочь.

– Я в школу ходила, относила подарки для ребят Донбасса, – быстро сказала Мариша и, даже не ожидая вопроса, куда она направится дальше, добавила: – Сейчас по магазинам, а потом домой. Вернусь, позвоню тебе на домашний телефон. Или у тебя ко мне что-то срочное?

– Нет. Ничего срочного.

– Тогда до вечера?

Но от мамы не так-то легко было отделаться.

– А ты точно только в магазины идешь? – спросила она с тревогой в голосе.

– А куда еще?

– Мало ли...

– Ладно, мама, я уже вхожу в магазин, тут люди, неудобно говорить.

Получив интересующую ее информацию, мама не стала настаивать на продолжении разговора и отключилась. А Мариша, и впрямь забежав по дороге в магазин, поспешила к отцу. Несмотря на то что сегодня обошлось без материнского выговора, на душе у Мариши все равно было несладко. Сколько еще ей придется врать и выкручиваться, добиваясь возможности повидать своего отца? А потом, повидав его и будучи уличенной в этом, каяться и извиняться, словно это невесть какой тяжести проступок?

– Надоело! – бурчала Мариша. – Что я ей, девочка? Чего она мной все время манипулирует? В конце концов, я уже не ребенок! Хватит ей мною помыкать.

И все же Мариша знала, что никогда не отважится на открытый бунт против матери. Не потому, что боялась, а потому, что любила эту чудаковатую и не всегда добрую к окружающим женщину. Любила и принимала ее такой, какая она есть. Да и вообще, не так уж долго им осталось быть вместе на этом свете, так не стоит ли немножко подвинуться, чтобы дать маме ощущение уверенности в том, что дочь у нее полностью под контролем и, стало быть, той ничего не грозит?

Покончив с покупками, которые просил ее сделать отец, Мариша изо всех сил спешила к его дому. Еще на подходе она подняла глаза и убедилась, что окна папиной квартиры ярко освещены. Свет горел и на кухне, и в большой комнате, и даже в маленькой.

– Транжира!

Мариша не могла сдержать улыбки. Несмотря на все свои ошибки, совершенные им по жизни, в том числе и по отношению к старшей дочери, отец вызывал у Мариши чувство нежности и стремление защитить его. Пусть он был старше Мариши, пусть он был ее отцом, но в душе он был и оставался сущим ребенком, не способным даже хорошенько позаботиться о самом себе. И нежность, которую испытывала к своему отцу Мариша, отчасти проистекала еще и от этой его беспомощности.

К своей маме Мариша таких трепетных чувств не испытывала. Мама всегда могла позаботиться не только о самой себе, но и о своих окружающих. А вот отец не умел. Значит, это должна была сделать она – его дочь. Мама могла воображать себе всякое, но Мариша точно знала: она заботится о своем отце вовсе не из чувства долга, а просто потому, что ей приятно общение с этим человеком. И каждую минуту, проведенную с ним вместе, она воспринимает как неожиданный подарок судьбы, свалившийся на нее пусть и несколько с запозданием.

Что послужило причиной тому, что отец оставил столицу и перебрался в Питер, Марише так и не удалось выяснить. Несколько раз Мариша пыталась подступиться к этому

вопросу и узнать, что же приключилось, почему от папы ушла его жена. Но отец неизменно уходил от прямого ответа. Он лишь сказал, что эта женщина ему изменила и он больше знать ее не хочет.

Только измена – изменой и развод – разводом, но ведь в Москве оставалась младшая дочь папы – Алиска, с которой папа был много ближе, нежели с Маришей. Почему же папа не остался в Москве с Алиской? Ответа на этот вопрос отец ей упорно не давал. В конце концов Мариша поняла, что отцу не хочется говорить на эту тему, и больше с вопросами к нему не приставала.

Поднявшись на лифте на нужный этаж, Мариша позвонила в дверь. Позвонила один раз, второй, потом третий. Никто не открывал. И даже звуков, которые бы говорили о том, что ей собираются открыть, изнутри не доносилось.

– Заснул, что ли?

В принципе такое запросто могло случиться. Как уже говорилось, родитель ее отличался редкой рассеянностью. И иной раз, пригласив к себе гостей, умудрялся забывать об этом вплоть до их появления на пороге. И потому неоднократно случалось так, что отец в домашних брюках и подтяжках встречал гостей, явившихся к нему при полном параде, с тортом, коньяком и букетами. В таких случаях отец звонил Марише, интересуясь, что же ему предпринять.

К удивлению Мариши, после переезда отец совсем недолго пробыл один. У папы в их городе оказалось изрядное количество старых друзей и знакомых, которые, узнав о его приезде, поспешили нанести ему визиты, а потом стали бывать у него регулярно. И Марише иной раз даже казалось, что отец лишь делает вид, что забыл о том, что пригласил их к себе. А на самом деле ему элементарно не хочется возиться с приготовлениями к приему гостей. Он ждет до последнего, а когда гости все же появляются, звонит Марише, и та решает проблему.

Но сейчас в квартире было тихо. Похоже, включив иллюминацию повсюду, папа сладко спал. Отчаявшись его добудиться, Мариша пошарила по карманам и нашла ключи. Риелтор дала им при передаче квартиры три комплекта, и один из них отец тут же торжественно вручил Марише.

– Чтобы ты всегда могла бывать у меня, – заявил он ей в тот раз.

Это прозвучало очень приятно для слуха Мариши, но, увы, оказалось не совсем правдой. Иногда случалось и такое, что дверь в папину квартиру бывала закрыта изнутри на задвижку. И тогда, потоптавшись перед дверью, Мариша вынуждена была уходить ни с чем. Папа потом объяснял, что спал и не слышал звонков.

– Так ты не закрывай на задвижку, если ложишься вздремнуть!

Папа обещал, но раз за разом ситуация повторялась. И наконец Мариша поняла, что иногда папа просто не хочет ее видеть. Бывали у него и такие моменты.

Но сейчас дверь поддалась усилиям Мариши и приоткрылась. И в тот же момент Мариша услышала за своей спиной чей-то голос:

– Добрый вечер!

Обернувшись, она увидела сухонькую старушку, которая жила в квартире напротив и, как казалось Марише, испытывала нешуточный интерес к ее папочке. Впрочем, Мариша могла понять соседку. Несмотря на возраст и тросточку, ее отец мог считаться завидным кавалером. Он обладал мягким бесконфликтным характером, практически не пил, смешно шутил и выглядел очень даже неплохо для своего возраста.

Это в первый момент после долгой разлуки он показался Марише сторбленным и одряхлевшим, но постепенно к папочке вернулись жизненные силы. И временами Мариша даже обнаруживала в квартире предметы женского туалета. То шелковый шейный платочек, то мягкие мохеровые носочки веселой расцветки, то расческу или помаду. Конечно, могло

быть и так, что эти предметы забывали у отца его старые друзья и знакомые, являвшиеся к нему с женами. Но почему-то визитеры мужского пола свои вещи у отца дома никогда не забывали.

Мариша тоже поздоровалась с соседкой, которая с любопытством смотрела на нее.

– А вы к папочке?

– Да.

– А его нет. Он ушел.

– Ушел? – удивилась Мариша. – Куда ушел?

– Ну, этого я уж не знаю, да только ушел. И не один.

Последняя фраза была произнесена столь многозначительно, что Мариша невольно спросила:

– А с кем же он был?

Соседка поманила ее к себе поближе, а потом прошептала:

– С девушкой!

– Да вы что? У папы кто-то есть?

Соседка покачала головой:

– Вряд ли это была его подружка... Ну, в том плане, в каком вы спрашиваете. Слишком молоденькая. Моложе даже вас, милочка.

Слышать, что ее считают молоденькой, было очень приятно. Такое Мариша была готова слушать хоть целый день. И поэтому сейчас ей стоило некоторого труда вернуться к теме своего интереса:

– А как она выглядела?

– Очень хорошо! – с жаром воскликнула соседка. – Такая красотка! Загляденье!

– Вот как... Молодая и красивая.

– Я вам ее сейчас опишу. Вдруг вы ее знаете?

Мариша молча кивнула в знак согласия.

– Длинные светлые волосы, в хвост забраны. Сама стройная. Лицо такое симпатичное, взгляд открытый. Только вот одета как-то странно.

– И в чем же странность?

– Обычно такие красивые девушки сознают, что они красивы. Стараются как-то подчеркнуть свою красоту. Юбочка пышная, каблучок на ножке, ленточки всякие, сумочка симпатичная. А эта девушка хотя на личико была очень даже ничего, а вот мужчин ее вид вряд ли цеплял.

– Да почему же?

– Потому что совсем просто одета. Куртка какая-то бесформенная, типа аляски, грязно-зеленого цвета. На ногах рейтузы. Ботинки, в каких только Северный полюс штурмовать. Шарф вокруг шеи намотала в пять рядов, самой шеи и не видать. Насчет груди я вообще молчу. И не рассмотреть, есть она там или нет. Со спины посмотришь: то ли девушка, то ли какой-то пацан. Личико только красивое, что да, то да.

– А вы эту девушку тут раньше видели?

– И много раз, – подтвердила соседка. – А до нее другие заходили. Ваш папенька говорил, что это дочери его знакомых. Только сколько же у него знакомых?

Мариша автоматически пожала плечами. Когда отец звал ее в гости, чтобы познакомиться со своими старыми друзьями, она шла без всякого восторга. Нет, они были славные дядьки, но почти все либо старше отца, либо одного с ним возраста. И жены их были тоже в возрасте. И ни одной молодой женщины, насколько Мариша помнила, ей в гостях у отца видеть до сих пор не доводилось.

Но если у отца есть подружка или даже подружки – это его личное дело. Конечно, Мариша не одобряет, потому что связь с молодой женщиной – это для такого потрепанного организма всегда лишний стресс, но если отцу хочется... Что же, его дело.

Сейчас Маришу интересовало другое:

– А давно они ушли?

– Давно. Уже больше часа – это точно. Может быть, даже около двух.

И заглянув к себе в квартиру, где у нее прямо напротив входной двери висели круглые часы с большими стрелками, она подтвердила:

– Уже даже больше двух часов.

Ничего себе! Два часа! Хотя в том, что ее отец забыл о встрече с дочерью, для Мариши не было ничего удивительного. При папиной рассеянности было бы удивительно, удержи он такой пустяк в своей памяти. Но куда же отец направился? Обычно он избегал так надолго покидать свою квартиру. И даже походы в магазин старался сделать как можно короче. Или это с ней, с Маришей, он торопился домой? А вот с какой-то молоденькой девушкой мог спокойно гулять по темным улицам города часами?

И нечто похожее на ревность внезапно больно царапнуло Маришино сердце.

Глава 2

Мариша ждала отца уже целый час. И тревога, которая вначале была совсем легкой, все больше сгущалась. Отец не возвращался, он не отвечал на звонки, а между тем погода на улице была совсем не прогулочная. За окном дул пронизывающий ветер, было чертовски холодно, да еще временами сыпал ледяной дождь. А ведь сейчас был декабрь. Обычно в эти дни деревья и улицы одевались в снежные наряды, готовясь к главному празднику в году, которым для подавляющего большинства россиян до сих пор остается Новый год.

И пусть Церковь сколько угодно твердит, что праздник – это и не праздник вовсе, а самое настоящее бесовское искушение для православных людей, которым в строгий Рождественский пост приходится делать выбор между обильным застольем и своими принципами, но пусть их. Новогодний праздник все равно продолжает победно шествовать по всему постсоветскому пространству.

Но в этом году природа словно бы нарочно решила испортить петербуржцам праздничное настроение. Снег выпадал всего пару раз, да и то таял немедленно. Температура держалась по большей части плюсовая, шли дожди, и вдобавок ко всему дули такие сильные ветры, что уже несколько раз смыкали затворы дамбы, препятствуя воде Финского залива захлестнуть город. Если бы не эта несколько лет назад все же предусмотрительно достроенная властями города защита, Питер бы обязательно посетил очередное наводнение.

И сегодняшняя погода была ветреной, дождливой, а темнело в середине декабря столь стремительно, что уже с трех часов дня жители были вынуждены зажигать электричество. Сейчас было уже семь часов вечера, на улице стемнело окончательно и беспросветно. По мрачному небу неслись тучи, деревья гнулись, ветер гудел и гнал по улицам всякий мусор.

– Папа, папа... Где же тебя носит в такую погоду?

Отец уехал не на машине, она стояла во дворе. Возможно, рассуждала Мариша, папина пассия и сама была с машиной, сейчас никого не удивишь, когда женщина за рулем. Тогда ветер им, конечно же, не помеха. Сели в теплый салон, вылезли у ресторана, пошли, сидят там себе в освещенном теплом помещении, слушают музыку и ведасть не ведают, что Мариша с ума сходит от беспокойства. А трубку отец не берет, потому что слишком увлечен разговором с прекрасной блондинкой. Или опять по рассеянности выключил громкость звонка. Такое уже бывало, и не раз.

Но было еще кое-что, что заставляло Маришу нервничать.

Закрыв за собой дверь отцовской квартиры, она первым делом распахала все свои покупки. Тунец и треска отправились в морозилку. Яйца и молоко – в холодильник. Греча и белая фасоль – в кухонный шкафчик. Постепенно все покупки, сделанные Маришей в магазине, заняли свои места. И она задумалась, что ей делать дальше. Уйти, даже не сделав попытки дожидаться отца, ей показалось неправильным. Но и просто сидеть сложа руки Мариша тоже не могла.

Правда, сначала она пощелкала пультом и нашла новости, которые теперь шли безостановочно, словно кто-то заранее распорядился дать россиянам возможность узнать о событии, которого все ждали с замиранием сердца, незамедлительно и в тот же момент, как оно произойдет. У Мариши вошло в привычку, едва войдя в дом, включать телевизор, чтобы лично убедиться в том, что время конца для всего человечества еще не пришло, жизнь на планете худо-бедно продолжается, можно и им еще немного пожить в свое удовольствие.

Вот и в этот раз, услышав последние новости, Мариша убедилась, что ничего нового и катастрофического в мире за последние два-три часа не произошло, можно расслабиться и заняться своими делами. Оглядевшись по сторонам, Мариша решила, что в отсутствие

папы не мешает прибраться в квартире. Кем бы ни была та женщина, с которой папа ушел и которую явно принимал у себя, заняться наведением порядка ей даже не пришло в голову.

Папа бытовыми вопросами тоже не слишком-то озадачивался. Всегда за него решали другие. Так что посуду мыла у него машина, белье стирала тоже машина. Оставался вопрос с пылью на полках и полу. С тем и другим нужно было что-то делать, и немедленно. Мариша решила, что начнет с пола. Площадь большая, а справиться с ней можно одним махом. Может, и папа вернется к тому времени, и удастся в очередной раз избежать нудной возни с книгами, которые по-хорошему надо бы протирать хоть иногда.

Но Мариша этого не любила. Да и отец твердил, что это совершенно лишняя работа, нечего ее даже и начинать. Так что в его присутствии Мариша никогда к книгам не прикасалась. И вот теперь, как она видела, на них вырос приличный слой пыли. Как ни растягивала Мариша мытье пола, отец так и не вернулся к тому времени, как заблестела последняя паркетина. Пришлось взяться за книги.

– Ай!

Протирая книги, Мариша внезапно уронила томик собрания «Тысячи и одной ночи». Томик упал, и поднимая его, Мариша подумала, что он какой-то слишком уж легкий. Она повертела его в руках и убедилась, что с книгой не все в порядке. Собственно, это была и не книга вовсе. Что это за книга такая, которая не открывается!

– В чем же проблема?

Повертев книгу в руках, Мариша поняла, что страницы не просто склеены между собой, как это ей показалось вначале. Нет, их тут не было вовсе. Зато был металлический крючок, потянув за который Мариша почувствовала, как книга распадается на две половинки. Получилась как будто бы шкатулка, и в ней деньги. Много-много бумажек. Впрочем, это были не рубли, не доллары и не евро. Это были китайские юани. Подсчитав всю сумму, Мариша убедилась, что здесь не так уж много. Триста тысяч, если считать в рублях. Было бы о чем говорить.

Однако следующий томик она взяла в руки уже с подозрением, но он оказался чист – самая обычная книжка. Сюрприз нашелся в «Кондуите и Швамбрании». Тут тоже лежали деньги, на этот раз фунты стерлингов. Приблизительно еще тысяч на девятьсот. Заинтересовавшись уже сильнее, так как сумма вырисовывалась приличная, Мариша начала доставать одну книгу за другой и еще в нескольких нашла тайники с деньгами.

По странной прихоти ее отец держал деньги в австралийских долларах, японских иенах и даже в турецких лирах, что было, конечно, совсем не патриотично с его стороны. Мариша взяла калькулятор валют и подсчитала, что всего у папы в тайниках набралось на пять миллионов рублей или даже чуть больше. И Мариша с грустью вспоминала, как отец рассказывал всем своим знакомым, что вложил в покупку квартиры все до последней копейки и был даже вынужден занять у дочери некоторую сумму.

Это была правда. Мариша дала денег папе, который иначе не мог бы приобрести себе двушку, а он хотел именно двухкомнатную, потому что находил отвратительным, когда в одной и той же комнате собираются гости и спит сам хозяин.

– Теперь буду жить на одну пенсию. Все свои накопления ухнул, гол как сокол. Ни копейки не осталось в зачатке.

Оказывается, это утверждение не совсем соответствовало истине. Впрочем, возможно, отец забыл про эти деньги? Или он имел в виду свои рублевые накопления, ведь не зря же сказал про копейку. Вероятно, австралийские центы он просто не учитывал. Но Мариша решила, что все равно нужно подождать папу и спросить у него об этих деньгах. Ей казалось маловероятным, чтобы отец о них забыл. Неспроста же он не подпускал ее к этим книгам. Не хотел, чтобы она наткнулась на спрятанные на книжных полках сбережения.

Но главный сюрприз поджидал Маришу, когда она взяла в руки самую последнюю книгу на самой верхней полке книжного шкафа. Это были «Колеса» Артура Хейли. Не самая сильная книга этого автора, если сравнивать с тем же «Отелем» или «Аэропортом». Во всяком случае, отец всегда повторял, что книга вызвала в нем чувство глубокого разочарования в свободной Америке, еще одной мечты, к которой стоит стремиться, не стало в его жизни, поэтому книгу эту он и не любит.

Видимо, в этом и была причина того, что отец хранил здесь оружие. Во всяком случае, выемка по форме в точности соответствовала пистолету. И выемка эта в данный момент была пуста.

– Опаньки! – прошептала Мариша. – Это откуда же у моего папочки взялось оружие?

Она даже пощупала рукой выемку, чтобы убедиться, что пистолет и впрямь исчез. И опечалилась. Деньги, оружие, молодая подружка папы. Вопросов накопилось слишком много, чтобы Мариша не задумалась: а так ли уж откровенен был ее отец с ней весь этот год?

Глядя на груды развороченных денег и вскрытых тайников, Мариша произнесла вслух:

– И что же все это значит?

Увы, вопрос этот она могла адресовать разве что самой себе. Маму она посвящать в эту историю не стала бы даже под страхом смерти. Детям тоже знать про своего деда таких подробностей не нужно. Муж далеко. Очередная экспедиция к полюсу заставила его оставить семью на пару недель.

К кому же ей обратиться? Ответ напрашивался сам собой. И Мариша позвонила Артему – своему давнему, еще школьному другу, который, наверное, много раз пожалел, что когда-то учитель математики усадил его за одну парту с хорошенькой белокурой девочкой, сказав помогать ей и подтягивать в решении математических задач. Артем честно постарался научить Маришу азам алгебры и геометрии. А она так же старательно пыталась научить его писать сочинения и изложения. Увы, педагогические их успехи были настолько незначительны, что оба, помучившись пару недель, пришли к выводу, что другой совершенно безнадежен. И с тех пор Артем просто решал за Маришу все контрольные по алгебре, геометрии, а заодно уж и по физике. А она строчила за него сочинения по русскому и литературе и заодно делала задания по немецкому языку и истории.

Так что плодотворное сотрудничество принесло в итоге свои плоды, переродившись в дружбу, которая длилась вот уже много лет и вроде как прерываться не собиралась.

Когда Мариша позвонила Артему, на заднем плане раздался плач младенца. Это был уже пятый по счету отпрыск Артема, родившийся в семье буквально несколько дней назад. Мариша его даже еще не видела. И она не удивилась, что голос ее друга прозвучал несколько скванно.

– Что? Деньги? У твоего папы? Слушай, мне бы твои проблемы! Пять миллионов наша, о которых твой батя забыл, так сиди да радуйся!

– Но еще тут есть пистолет!

– Что? Пистолет? Травматика, наверное, или газовый. Мой старший притащил на днях из школы травмат, я чуть не упал. А потом оказалось, что просто сделан так, что на настоящее оружие похож.

Младенец на заднем плане разорался еще громче. И Артем произнес:

– В общем, не парься ты. По степени трудности приобретения огнестрельного оружия наша страна впереди планеты всей. Так что если у твоего отца и есть оружие, и даже огнестрельное, то можешь мне поверить, что оно у него совершенно легальное.

Легко ему было говорить! Артем не знал папу! А Мариша знала. И знала, какой он рассеянный человек. Вот и пистолет этот засунул в книжку вместо того, чтобы приобрести для хранения огнестрельного оружия сейф, как это и полагается сделать.

А может, Артем и прав, и это у папы была спрятана просто травматика? А папа взял ее с собой, чтобы при случае отпугнуть от своей пассии хулиганов, буде таковые найдутся?

В душе ведь ее родитель так и оставался ребенком, милым непослушным мальчишкой. Так Мариша успокаивала себя где-то в течение получаса, а потом снова начала волноваться. Отец все не возвращался, непогода крепчала, а Мариша дергалась все сильнее. К тому же стали раздаваться звонки от детей. Первой позвонила Света, которая сообщила, что им уже два раза звонила бабушка.

– Тебя, мама, спрашивала. Удивлялась, почему тебя до сих пор нет. Ты где?

– Я тут.

– У деда? – проницательно поинтересовалась Света.

Мариша промолчала.

– Понятно, – хмыкнула дочь. – И долго ты собираешься с бабушкой в прятки играть?

– Слушай, займись своими делами! – вспыхнула Мариша. – У тебя что, уроков нет?

Дочка снова хмыкнула и отключилась. А Мариша принялась медитировать, повторяя, что все у нее прекрасно и становится с каждой минутой еще лучше.

Но потом позвонила Катюша – племянница Мариши, которая жила у нее на попечении, пока отец девочки исполнял свой долг перед Отчиной. Коля был подводником, и военное командование нуждалось в его присутствии на корабле и в гарнизоне. Так что они с Юлей – сестрой Мариши – переехали в маленький военный городок где-то под Мурманском, а Марише оставили свою старшую дочку.

Юля считала, что гарнизонная школа не может сравниться по качеству образования с питерской частной школой, куда она изначально определила Катю и куда Марише предлагалось доставить Катюшу первого сентября. Но девочке не довелось посетить ни единого урока в той школе, потому что Мариша сочла неразумным тратить на дорогу туда и обратно по три-четыре часа своей жизни. И Катя без ведома матери пошла в ближайшую к дому Мариши школу, куда ходили ее собственные дети и где давали отличное образование. Во всяком случае, ежегодные результаты ЕГЭ подтверждали это. Школа твердо держалась в первой пятерке лидеров по району, что давало детям хорошие шансы при поступлении в высшие учебные заведения страны.

И вот теперь Катюша хныкала:

– Тетя Мариша, я не понимаю, как тут делать задание.

– Мы же еще после школы сделали с тобой все уроки.

– Нам, оказывается, задали контрольное списывание. Оно на листочке было, я про него забыла совсем. Листочек в дневнике лежал, я только сейчас его нашла.

– Понятно. Ну, списывание – это же легко. Спиши, и все.

– А я не понимаю, как там списывать.

– Попроси Свету.

– Она говорит, что у нее своих уроков полно.

– Тогда Лешу.

– А его дома нет.

– Как это? – растерялась Мариша. – Где же он?

– Он ушел. Куда не сказал. Только сказал, что, может, вообще не вернется.

Этого еще не хватало. Мужики разбежались от нее словно тараканы. Муж на полюсе, отец невесть где с пистолетом под мышкой болтается, а теперь еще и любимый сын исчез, не сказавшись матери.

– Безобразие! – возмутилась Мариша. – Я возвращаюсь.

И решив, что детям она сейчас нужнее, чем отцу, который даже не знает, что дочь его ждет, Мариша поспешила домой. Сын к этому времени уже вернулся, оказывается, выбежал в канцелярский магазин за ватманом. К Новому году в школе было решено подготовить

праздничный выпуск стенгазеты, и сыну поручили нарисовать заглавную шапку, чем он с упоением и занимался, изъязв у Катюши всю имеющуюся в ее распоряжении гуашь.

– А краски заодно с ватманом почему не купил?

– Забыл.

Сын улегся на полу с ватманом, чтобы было удобнее рисовать, Света бубнила свой английский, у нее накопилось пять несданных пересказов, которые теперь предстояло за оставшиеся дни каким-то образом выучить, ну а Мариша отправилась к младшенькой, посмотреть, что же вызвало у ее умненькой девочки такие значительные затруднения.

Первый же взгляд убедил Маришу в том, что девочка не капризничала. Катюша имела полное право растеряться. Выданный первоклашкам текст состоял из трех абзацев, в каждом насчитывалось от трех до пяти предложений, в том числе и сложноподчиненных. Было в тексте также и несколько перечислений. При этом запятые не стояли нигде!

Также все слова в предложениях были напечатаны с маленькой буквы, хотя в тексте речь шла про «девочку снегурочку которая отправилась в лес где и повстречала медведя мишу зайчика и барсучка».

– Как тут писать? – дергалась Катюша. – Я не понимаю. Учительница сказала, чтобы мы сами поставили запятые и заглавные буквы.

– М-да...

Мариша и сама чувствовала себя озадаченной. И это задание дают детям, многие из которых всего пару недель назад узнали, как пишутся некоторые прописные буквы? А о том, что такое запятая, и о ее роли в предложении детям вообще никто ничего не говорил. По большому счету им про само предложение, его виды и способы образования никто не говорил. Интересно, составители программы подразумевали, что дети возьмут эту информацию откуда-нибудь из подкормки? Или считают ее с информационного поля матушки Земли? Или надеялись, что роль учителя возьмут на себя родители?

– Тетя Мариша, что тут писать? – уже окончательно психовала Катя. – Я не понимаю. Я тупая, да?

– Что ты!

– Но как тут писать?

– Сейчас, сейчас, девочка. Разберемся.

Мариша пыталась извлечь из собственного мозга все правила русского языка, которые они со Светкой проходили вроде бы так недавно.

– Тут нужна запятая, тут и тут.

– А почему?

Вопрос поставил Маришу снова в тупик. Как объяснить ребенку существующие виды сложноподчиненных предложений?

– Ты просто поставь запятые, а объясняет пусть вам учительница.

– Но она захочет узнать, почему я поставила запятые именно тут! Тетя Мариша, как ты не понимаешь, если мне дали задание, я должна с ним справиться!

Катюше очень хотелось быть лучшей ученицей в классе. И отчасти это стремление было вызвано ее желанием получить похвалу от мамы. До сих пор Юля была ею довольна. Но если сейчас девочка получит за задание по русскому языку минус, это будет для ее мамы настоящим ударом. Вот ребенок и нервничает и дергается.

И бесполезно объяснять девочке, что составители программы сами не очень-то хорошо учились, потому что не смогли усвоить основной постулат любого обучения. В обучении любого живого существа, хоть человека, хоть примата, хоть собачки, хоть хомячка, надо идти от простого к сложному. Сначала твердо усвоить азы, а уже потом усложнять программу. Никак не наоборот. И конечно, знакомить во второй четверти первого класса детей со слож-

ными видами предложений, когда они еще и простые-то не больно усвоили, – настоящее вредительство и издевательство над детьми и их родителями.

Но увидев устремленные на нее глаза Катюши, ничего этого Мариша говорить не стала. Вместо этого она твердо произнесла:

– Слушай сюда! Ничего сложного тут нет, все очень легко и просто. Ты быстро разберешься.

Быстро и легко не получилось, но в общем, кое-как разобравшись с заданием Катюши, они пошли смотреть на работу Лешки.

«С Новым годом и Рождеством!» – красовалось наверху ватмана. А рядом Лешка очень натурально изобразил рыжего орангутанга. Морда у него была довольная, пузо круглое, и если бы животное красовалось не совсем близко от «Рождества», Мариша бы даже художества сына одобрила.

Но тут она воскликнула:

– Ты что нарисовал?

– А что? – удивился сын. – Следующий год – Обезьяны. Вот я ее и нарисовал.

– Обезьяна рядом со словом «Рождество» выглядит неоднозначно.

Лешка взглянул и признал правоту матери:

– А что же теперь делать?

– Букву «и» между Новым годом и Рождеством преврати в стилизованный восклицательный знак. А после Рождества припиши с «Восточным Новым годом!». Тогда будет понятно, к чему тут обезьяна.

– Ага! – оживился Лешка. – Хорошо. Как раз немного места осталось. Втисну!

В результате за нехваткой места буквы в «Восточном Новом годе» получились какие-то худосочные и заморенные, словно бы год прозрачно намекал читателям газеты на то, что в новом году их ожидает.

Но Лешка все равно был доволен.

– Теперь уж никто не придерется.

И он с увлечением принялся малевать дальше заголовки, перечень которых был у него на бумажке.

– Тексты придумал Васька Копытин, у него отец писатель, он ему стиль подправил. Перепишет их красивым почерком Вика Терентьева, у нее тетя на курсы китайского языка ходит, они там попутно и каллиграфию изучают. Она пообещала Вике подсказать. А смешные вставки Юрка Дубинин придумал, у него старший брат в «Батле» выступал и даже во второй тур прошел.

– А ты у нас, выходит, самородок.

– Почему?

– Ни со стороны папы, ни со стороны мамы художников у тебя нету.

Лешка очень загордился тем, что он самородок, и принялся малевать картинки с удвоенным удовольствием. Мариша смотрела на сына, устроившегося на полу, и испытывала смешанные чувства. Вроде бы и ее ребенок, а уже совсем мужчина. Подумать только, и этот молодой человек, который, вытянувшись в полный рост, занял собой полкомнаты, еще совсем недавно помещался на ладони у ее мужа и смешно размахивал красными морщинистыми ручонками. И вот, пожалуйста, прошло-то всего пятнадцать лет, и теперь уже Лешка способен поднять собственного батю. Правда, не на ладони, но все же.

И когда только сын так вырос? Мариша этого в толк взять не могла, хотя вроде бы никуда от детей не отлучалась, постоянно была рядом с ними, глядела за ними в оба глаза, да вот только все равно проглядела.

Мариша звонила своему папе за вечер еще несколько раз, но тот так и не снял трубку. И домой не вернулся. Во всяком случае, его домашний телефон молчал. И поэтому спать

Мариша улеглась со смешанными чувствами. С одной стороны, если у папы появилась подруга, которая была способна отвлечь его внимание на всю ночь, Мариша этому будет только рада. Но с другой стороны... Если подруга намного моложе папы, как знать, не приведет ли это к каким-нибудь неприятным последствиям?

Глава 3

Мариша словно в воду глядела. Уже на следующее утро, стоило ей отвести Катюшу в школу и вернуться домой, как раздался телефонный звонок.

– Сидоров Иван Владимирович кем вам приходится?

Сердце у Мариши сделало бешеный скачок и застряло где-то в горле. Во всяком случае, там оно теперь билось.

– Что с ним? – просипела Мариша через силу. – Он жив?

– Значит, вы его знаете?

Голос в телефоне вроде бы смягчился, сделался не таким официальным.

– Да! Это мой папа!

– Что же вы, доченька, за отцом своим не следите? – укоризненно произнес тот же голос. – Почему он у вас по улицам болтается? Ведь не мальчик уже. Хорошо еще, что машина «Скорой» как раз в тот момент, как он завалился, мимо проезжала. Прямо под колеса он и свалился.

– Под колеса!

Теперь сердце у Мариши и вовсе остановилось. Ее отец упал под машину!

– Да вы не переживайте так, – услышала она словно издали все тот же голос. – Это как раз на переходе случилось. «Скорая» наша на красном стояла, а ваш отец перед ними дорогу по зебре переходил. Там и рухнул. Пришлось нашим врачам волей-неволей вашего батюшку подобрать и в стационар доставить. Пару часов уже у нас.

– Но что с ним? Почему он упал?

– Инфаркт.

– Ой!

– Да вы не беспокойтесь, оклемается ваш папенька. Тем более что оборудование у нас хорошее, современное. Коли уж до нас пациента довели, значит, будет жить. И не таких выхаживали. Если хотите, приезжайте, повидайте его. И заодно полис медицинский прихватите. Полис-то у него есть?

– Есть, – прошептала Мариша, чувствуя, что и сама находится почти что при смерти.

Все-таки наши люди удивительно умеют преподнести всякое событие. Что пережила Мариша за эти минуты, страшно себе даже представить. А оказалось, что все не так уж и страшно. Папа хотя и в больнице, но жив, и за его жизнь борются врачи. Впрочем, хорошего в этом тоже было мало. Еще не известно, как там эти врачи борются. Может, бросили папу одного в коридоре и занимаются другими пациентами. Он ведь там сейчас без полиса.

– Надо бежать к нему! Скорее!

Но и тут возникали преграды. Мариша понимала, что хочешь не хочешь, а ей придется поставить в известность о случившемся свою маму. Этого было никак не избежать, потому что иначе некому было забрать Катюшу из школы. Конечно, девочка могла бы прийти и сама, но Марише казалось, что она не имеет права так рисковать не своим ребенком. А чтобы оставить малышку на продленке, надо было заранее писать заявление, подписывать его у завуча и директора, и лишь потом ребенка допускали в группу продленного дня.

И Мариша набрала заветный номер своей мамы. Господи, благослови родителей! И в частности ее маму. Чтобы Мариша стала делать сейчас, не будь у нее мамы? Та что-то запаздывала, и, дожидаясь ответа, Мариша сидела и тарасилась на стену. Может, это знак, что маму лучше не тревожить? Ведь был и другой выход из положения. Поехать к отцу уже после того, как Катюша окажется дома. Но это еще долгих три часа. А Мариша столько в неизвестности бы просто не выдержала. Да и призрак загибающегося в коридоре бледного изможденного папы преследовал Маришу.

Так что она набрала сотовый номер мамы.

– А я как раз к тебе еду.

– Зачем?

– Грибы везу. Огурчики. Мы же с тобой вчера договаривались, что я заеду.

Мариша прикусила язык. От волнения она совсем забыла, что вчера они с мамой договаривались, что та сегодня привезет ей различные деревенские разносолы. Чтобы дочери было что выставить на новогодний стол.

– Я уже возле твоего дома. Открывай.

И в ту же минуту раздался сигнал домофона. Когда мама появилась на пороге, она сразу же учуяла неладное. Вот так повела носом и учуяла, что дело неладно.

– А ты чего такая бледная?

– Папа в больницу попал.

Мама молча поставила сумки на пол, разделась, вымыла руки и только после этого с нотками торжества в голосе произнесла:

– А я тебе говорила, что этим дело кончится!

Ничего такого мама никогда не говорила, но Мариша промолчала.

– И что с ним?

– Сердце. Инфаркт.

– Обширный? – спросила мама вроде как с надеждой.

Впрочем, возможно, это Марише только показалось.

– Не знаю. Они по телефону не говорят. Мне надо поехать, отвезти его полис. Ты сможешь сегодня забрать Катюшу из школы?

Мама машинально кивала в ответ, думая о чем-то своем. И лишь когда Мариша повторила свой вопрос про Катюшу, мама опомнилась:

– Я все сделаю! Из школы приведу, обедом покормлю. Поезжай, выясни, что там с ним случилось. Только я тебя умоляю, если этот человек начнет прибедняться и требовать с тебя деньги на лекарства или врачей, не поддавайся на эти провокации. Я не могу тебе сказать всего, что знаю, не хочу порочить его имя. Но только этот человек куда богаче, чем заливаешь тебе.

Мариша посмотрела на свою маму повнимательнее. А ведь мама и раньше говорила, что деньги у отца есть, и в достаточном количестве, и предостерегала дочь, чтобы та не тратила на старого плута свои наличные. Мариша всегда осуждала в душе маму за ее прижимистость и легко делала покупки для папы. Но когда Мариша вчера вечером своими глазами увидела, что у папы только в наличной валюте, только в книжных тайниках не меньше пяти миллионов рублей, а может, и куда больше, она была склонна пересмотреть свое мнение о маме. Похоже, что права была как раз ее мама, а вот Мариша ошибалась.

– Ладно, мама, я не позволю себя обмануть.

– Ну иди, иди, – печально вздохнула мама и, когда Мариша уже выбежала за порог, вполголоса добавила: – Лопушок ты мой.

Но Мариша ничего не слышала. Она торопилась к отцу в больницу. Но сначала ей еще было нужно заскочить к нему домой за полисом. На площадке она столкнулась с соседкой, которая куда-то уходила. Несмотря на то что женщина явно торопилась, она нашла возможность, чтобы поздороваться с Маришей и пожелать той доброго утра.

– Какой там доброе! – откликнулась Мариша. – Папа в больницу угодил. Вот бегу к нему сейчас.

Соседка тоже торопилась. Но все же привет и пожелания скорейшего выздоровления передала. Марише немного полегчало от добрых слов этой в сущности незнакомой ей женщины. Однако когда она вошла в квартиру папы, из ее груди вырвался испуганный возглас:

– Ой, мамочка! Что это тут произошло?

И Маришу можно было понять. Когда вчера вечером она уходила из папиного дома, все здесь было в полном порядке. Даже книги с тайниками Мариша вернула на свои места. И деньги в них вложила. Она хотела поговорить с отцом об этих деньгах при подходящем случае, а не срочно вынуждать его к этому разговору.

Но что было в квартире сейчас! Все вещи валялись в ужасном беспорядке. Постельное белье, ящики столов, комнатные растения, одежда и обувь – все находилось на полу, образуя пестрый разномастный холм.

– Мама родная!

При виде этого бедлама ноги у Мариши буквально подкосились, и она плюхнулась на стул. Сил у нее оставалось ровно настолько, чтобы просто сидеть и безостановочно повторять:

– Да что же это... Как же это...

Но постепенно Мариша пришла в себя, собралась с духом и поняла, что если она будет и дальше так сидеть, то дела ее от этого не улучшатся. И взяв себя в руки, она поднялась со стула. Задача первоочередной важности – полис!

– Интересно, как мне найти во всем этом медицинский полис?

К ее удивлению и, пожалуй, радости, полис нашелся неожиданно быстро. Сначала Мариша углядела кучку документов, валяющихся на полу там, где их кинули. Поворошила их совсем немного и углядела голубенький бланк медицинского полиса.

– Ура!

Полис в данную минуту был задачей номер один. Напуганной девяностыми годами Марише чудилось, что ее папу без полиса просто вышвырнут на улицу. А в его состоянии – это смерти подобно. Так что полис она бережно свернула и спрятала. И лишь после этого принялась обследовать местность дальше.

Ей сразу же стало ясно, что воры выгребли все деньги, которые были спрятаны у отца в тайниках. И Мариша преисполнилась жгучей досады на саму себя. Вот скажите, что ей стоило вчера взять эти деньги? У нее бы они были в сохранности. Тоже чистюля нашлась! Нашла время, чтобы церемониться! Впрочем, она ведь не могла предугадать, что отец попадет в больницу и вместо него в квартиру заявятся грабители.

– Минуточку, а как они сюда попали?

Входная дверь, насколько помнилось Марише, была закрыта на замки. Мариша, уходя, тщательно все закрыла и проверила. И сегодня она открыла замки своими ключами, и ничто ее не насторожило до тех пор, пока она не шагнула в самую квартиру и не увидела этот жутчайший разгром. Выходит, у грабителя были при себе ключи от входной двери? И первыми подозреваемыми Мариши, когда она об этом подумала, ясное дело, были злополучные врачи с той «Скорой помощи», которые подобрали ее папу на улице. Подобрали, обобрали да еще потом и квартиру ограбили!

– Ясно, что это они. У них и паспорт папин с пропиской под рукой имелся. Папа без паспорта из дома старался никуда не выходить.

Уж об этом Мариша позаботилась, вывесив прямо на входной двери изнутри огромный плакат, на котором было написано всего лишь одно слово: «ПАСПОРТ». Так что, выходя из дому, отец невольно упирался взглядом в это объявление и, если паспорт лежал у него в кармане другого пальто или плаща, послушно лез за ним и перекладывал в нужное отделение.

Да, ясно, что паспорт был у отца с собой. Будь это не так, в больнице бы попросили вместе с полисом привезти и паспорт больного. А они этого не попросили.

– Вот наглые! – возмутилась Мариша, имея в виду работников «Скорой». – Видели, что старик совсем плох, и решили его ограбить!

И все же что-то смутно беспокоило ее в этой версии. Во-первых, уважение, которое Мариша питала к людям этой профессии. Работающие на «Скорых» врачи – это, если хотите, передовая фронта. Каждый там достоин звания героя. Другие на «Скорых» просто не задерживаются. Ну, допустим, грабили не врачи, а шофер или санитар, которому поручили перенести поступившего пациента, а он нашел в его карманах ключи от квартиры. Но, во-вторых, Маришу настораживал размах обыска, учиненного в квартире отца. Добро бы они только ящики вывернули или ценные вещи забрали. Нет, вторгшиеся действовали методично и тщательно, словно бы точно знали, что у отца есть записка, и эту самую записку поставили себе целью найти.

– Может, папа им сам про деньги проговорился? В бреду?

Бывает у больных с инфарктом бред? Этого Мариша не знала, но поставила себе целью обязательно узнать.

В больнице Мариша оказалась спустя час. И первым делом направилась с претензиями к главному врачу. Нельзя сказать, что это ей удалось без труда, пришлось прорваться через заставу в лице бдительной секретарши и трех ожидающей своей очереди посетителей. Но Марише некогда было ждать. И с криком: «Мне надо! Меня ограбили!» – Она подлетела к дверям. Посетители опомнились, какой-то коротышка пытался перехватить Маришу, но не тут-то было.

– Минувшей ночью квартира моего отца подверглась налету ваших врачей!

Мариша растолкала всех и дернула на себя массивную дверь, выдернув вместе с ней наружу какого-то тощенького замухрышку, который сидел в кабинете главврача да на свою беду решил выглянуть, чтобы узнать, отчего такой шум в приемной. Зря он это сделал. Мариша выдернула его, словно морковку из грядки. С хлопком, с чмоканьем заморыш пролетел через всю приемную, а Мариша ворвалась в кабинет главврача, захлопнув за собой дверь, да еще и приперла ее стулом.

Главврач оказался интеллигентный дяденька постарше Мариши, в очках и лысенький. Мариша почувствовала, что справится с таким без всякого труда.

– Ч-чем обязан?

Главврач судорожно поправлял на шее галстук, словно галстук мог его спасти.

– Я требую справедливости! – заявила Мариша. – Имущество моего отца уничтожено, квартира разграблена, кто за это будет отвечать? Вы?

Вид у Мариши был такой гневный, что главный врач – толстенький и кругленький колобок – испуганно втянул в плечи лысую голову и поинтересовался:

– А я-то тут при чем? Милая девушка, вы ошиблись, тут не полиция, а больница.

Услышав, что кому-то она еще кажется девушкой, Мариша в душе сменила гнев на милость, но виду не подала и продолжила разве что самую чуточку менее грозно:

– Вас я не обвиняю, но это поработали ваши люди!

– Откуда такие подозрения?

Мариша объяснила, на чем основываются ее подозрения. И врач моментально сделался серьезным.

– Врачи со «Скорой» непосредственно мне не подчиняются, – объяснил он Марише. – Так что моими людьми вы их поторопились окрестить. Но вы правы, данное правонарушение необходимо расследовать. У нас ничего подобного в жизни не случалось.

– Все когда-нибудь происходит впервые. И расследовать нужно как можно скорее! Пока негодяи не успели истратить все деньги!

– А там было много?

– Пять миллионов!

Врач присвистнул:

– Надо идти в полицию.

– Зачем? Я не хочу ничьей крови. Да и папе в его состоянии лишнее волнение ни к чему. Пусть негодяи вернут папе деньги, сделают уборку у него в квартире, и я готова забыть о недоразумении. Они никого не убили, это просто деньги. Вернут, попросят прощения, и все дела.

– Я разделяю ваше возмущение. И со своей стороны сделаю все возможное, чтобы вам помочь. Сейчас я позвоню и выясню, на какой машине привезли вашего папеньку. А потом мы с вами вместе спустимся и побеседуем с бригадой этого транспорта.

Когда он это произнес, Мариша внезапно поняла, что ничего из этой затеи не выйдет. Просто почувствовала, что не выйдет. И точно, врачи оказались не в смене, шофер, врач и медсестра дружно отдыхали от суток тяжелой работы.

– Все равно надо их разыскать!

– Увы, я не смогу с вами поехать, – быстро отказался главврач. – Занят по службе.

– Так и не надо. Они вам и не признаются!

– А что же делать? Обращаемся в полицию?

– Нет, я сама поговорю со всеми тремя. Вы мне только координаты их дайте и имена.

Врач пообещал, что раздобудет для нее всю необходимую информацию. И раздобыл. Не желая посвящать в эту историю лишних людей, он все сделал сам. И уже через несколько минут Мариша вырвала из его вялых трепещущих рук листочки с криво накорябанными телефонными номерами, именами и адресами всех троих подозреваемых в налете на квартиру.

– За двоих я ручаюсь, – сказал врач. – Они работают не один год, хорошие сотрудники, никогда подобных жалоб на них не поступало. Но вот их шофер... Слава Метелкин. Мальчик молодой, не хотелось бы говорить о нем плохо, но прошлое у него не вполне безупречно. Когда я намекнул, что произошло некое ЧП, мне сразу же сказали, что дело, скорее всего, в нем. Так что советую вам начать свои поиски именно с него.

– Спасибо за информацию.

И Мариша поспешила к выходу.

– Только я вас умоляю, когда что-нибудь прояснится, дайте мне знать. Не забудете?

– Шутите? У вас же мой отец! Хотела бы забыть, да не смогу!

И Мариша выскочила обратно в приемную, которую по понятным причинам постаралась миновать как можно быстрее, а затем в коридор. У нее в больнице было еще множество дел. Надо было передать злополучный полис лечащему врачу, или кто тут у них был ответственный за полисы. И самое главное, надо было повидать папу.

Увы, когда Мариша наконец прорвалась к своему родителю, настроение у нее упало. Папа хотя и лежал вовсе не в коридоре, как представлялось Марише в страшных кошмарах, а наоборот, в отдельной комфортабельной палате и пытался держаться бодро, но выглядел очень бледным. Да еще эти трубочки и проводочки, которыми он был опутан, и плакающий монитор рядом. Он словно бы говорил: смотрите, вот сейчас сердце родного вам человека еще стучит, я фиксирую удар, еще удар, но следующего удара может и не быть!

– Папа, как ты?

– Превосходно.

Папа пытался улыбаться, но даже для этого он был слишком слаб. И если вначале Мариша собиралась расспросить, не знает ли он, кто мог проникнуть ночью в квартиру и вычистить все его тайники, теперь эту идею она оставила. Новости о том, что он не только оказался в больнице, но еще и стал беднее минимум на пять миллионов, которые явно собирался приберечь на крайний случай, папа мог и не пережить.

– Папочка, скажи, а как получилось, что ты угодил сюда?

– Ну как... Обыкновенно. Шел, по телефону разговаривал, внезапно мне стало нехорошо, упал... Как в «Бриллиантовой руке», помнишь? Очнулся, гипс.

И хотя папа пытался с ней шутить, Марише показалось, что он не совсем откровенен. Он ничего не сказал о том, как провел минувшую ночь. Ведь «Скорая» подобрала его только утром.

– Телефон жалко, – внезапно произнес отец.

– А что с ним?

– Разбился. Мне сказали, что починить его уже невозможно.

– Купим тебе новый! – отмахнулась Мариша. – Лучше скажи, с кем это ты так весело провел вчерашний вечер и эту ночь?

– Ни с кем.

Вот это уже откровенное вранье!

– А мне сказали, что ты был с дамой. И дама эта была много моложе тебя. Блондинка.

– Кто тебе это сказал?

Отец кинул на Маришу внимательный и немного испуганный взгляд.

– Кто? Говори!

– Соседка мне сказала. Твоя соседка из квартиры напротив.

– Она что... Следила за мной?

Внезапно папа рассердился. У него даже усы в гневе зашевелились. Мариша нахмурилась. Ей совсем не нравилось, как реагирует отец на ее вопросы. И дело тут даже не в его болезни. Нет, он злится так, словно ему есть что скрывать от своей дочери.

– Папа, я хочу тебе добра. Ты мне веришь?

Глаза папы подобрели.

– Верю, Маришка. Но тебе и правда лучше не знать, что я делал прошлым вечером.

– Почему?

– Потому что тебя это не касается! Я взрослый мужчина, и у меня может быть своя личная жизнь!

Мариша прикусила язык. В принципе, ее папа прав. Это не ее дело, с кем папа проводит вечера или даже ночи. Врачи ей сказали, что отца они подобрали уже сегодня утром, в семь часов двадцать минут. Откуда он возвращался в такой час? Ясно, что ночь он провел у женщины. И про эту женщину разговаривать со своей дочерью он не хочет. Пока не хочет.

– Ладно, папа, я пойду.

– Уже?

– Мне пора. К тому же врач предупредил, что у меня только пять минут. А я и так злоупотребила.

– погоди! – остановил ее отец. – Скажи мне сначала... Ты была у меня дома?

– Конечно.

– И как там? – поинтересовался папа. – Все в порядке?

– А почему ты спрашиваешь?

– Просто. Так что там? Порядок?

– Полный порядок! – соврала Мариша, твердо решив, что будет придерживаться этой версии до тех пор, пока не вернет деньги отца или хотя бы не найдет людей, виновных в исчезновении пяти папиных миллионов.

Отец о чем-то подумал, а потом спросил снова:

– Ты когда ко мне домой заходила? Сегодня?

– Да.

– И там все в порядке?

– В полном порядке.

Отец задумался, явно не зная, что спросить еще. А потом произнес:

– Но ты еще придешь?

Голос отца звучал жалобно.

– А свою даму сердца ты отчего к себе не позовешь? – ехидно поинтересовалась Мариша.

– Мариша, ты жестока.

– Отнюдь. Просто если ты боишься меня с ней знакомить, вдруг мы тут с ней столкнемся?

– Не столкнетесь.

И отец отвернулся к окну, демонстрируя свое настроение. В больничной казенной рубашке, с проводками, морщинистый и дряхлый, но такой родной и любимый! И раскаяние буквально затопило Маришу с головой.

– Ладно, прости меня, пап, – произнесла она тихонько.

Не поворачивая к ней головы, отец спросил:

– Так ты придешь завтра?

– Да. Завтра приду. Что тебе принести?

– Одежду, – тут же откликнулся отец. – Терпеть не могу эти больничные балахоны. Чувствую себя в них заранее обреченным.

– Что ты, пап! Врачи говорят, что ты обязательно поправишься. Все худшее уже позади.

– Не верю я им. Когда мой собственный отец умирал, они нас тоже до последнего уверяли, что он поправляется. Отец так и умер, будучи уверенным, что идет на поправку.

– Тогда другие времена были. В Советском Союзе людям вообще избегали говорить неприятную правду. Заботились о пациентах, пусть и таким своеобразным способом. А теперь всем и на всех наплевать. Если помираешь, тебе об этом тут же сообщат. Еще и дату назначат, когда на твое место другой должен будет поступить.

Мариша заметила, что отец снова на нее смотрит и даже улыбается.

– Если бы ты знала, как я рад, что ты у меня есть. Ты самое лучшее, что я сумел сделать в этой жизни.

– У тебя ведь есть еще дочь.

– Никого у меня, кроме тебя, нет. И знаешь, я тут подумал: мне хочется гранатов. Только купи такие, чтобы были сладкие и красные, как кровь. И без косточек. Штучек пять возьми.

– Я знаю, какие ты любишь, – улыбнулась Мариша. – Не ошибусь.

– И бульон свари из говядины. С мозговой косточкой.

– Хорошо. Сварю.

– Крепкий, как ты у меня умеешь. С корешками.

– Ладно.

– И еще я бы морковного соку попил, – размечтался папа. – Только попробуй, чтобы морковка не горчила.

Папа всегда был любитель поесть со вкусом. А уж сейчас, когда он чувствовал себя больным и несчастным, еда была для него настоящим удовольствием. Хотя Мариша и не вполне понимала, как сумеет побеседовать с тремя подозреваемыми, а потом еще смотаться на рынок, – все перечисленные папой продукты продавались наверняка только на рынке. В супермаркете никто не дал бы Марише гарантии, что гранат без косточек, морковь сладкая, а говядина свежая. Такой сервис в нашей стране был доступен пока лишь на рынке, и то не на всяком.

– И самое главное, привези мне нормальную одежду! – донесся до ее сознания голос отца. – Слышишь?

– Да, папа.

– Обязательно привези! Из дома привези!

– Я поняла.

– Извини, что без конца повторяю, просто в этой больничной робе я себя чувствую еще более тяжело больным, ощущение такое, что ее выдают одним умирающим. Намекают, мол, пришел и твой час.

– Папа, я привезу все, о чем ты меня просил. Лежи, поправляйся и, пожалуйста, не думай о плохом.

– Привезешь мою домашнюю пижаму, мысли сразу же изменятся, – пообещал ей отец, снова улыбаясь, как будто настроение у него после общения с дочерью улучшилось.

Первым делом, выбравшись из больницы, Мариша рассмотрела список подозреваемых, который вручил ей лысый главврач. Мариша умела разбираться в мужчинах и могла с точностью до десятых процента предсказать, кем ей удастся вертеть по своему усмотрению, а кто заставит ее попрыгать. Главврач был в этом плане весьма перспективен. И Мариша не сомневалась, что, если в будущем у нее возникнут проблемы, она может напрямую обращаться к этому человеку. Не случайно ведь он в самом низу дрожащей от волнения рукой приписал свой номер.

Появление Мариши в его кабинете явно произвело на этого человека неизгладимое впечатление, от которого ему еще долго предстояло оправляться.

И вот теперь Мариша внимательно изучала каракули главного врача. Напротив шофера, которым врач предлагал заняться в первую очередь, стоял жирный восклицательный знак.

– Ну что же, с тебя мы и начнем.

Набрав номер, Мариша с волнением поднесла трубку к уху. Ждать ей пришлось недолго.

– Алло, – раздался хриплый женский голос.

То, что голос был женский, Маришу ничуть не смутило.

– Славе трубку дай! – требовательно произнесла она.

Но собеседница ей попалась тоже строптивая.

– А ты кто такая?

– Не твое дело!

– Так чего трезвонишь-то? Славка спит словно сурок!

– Скажи, что, если не возьмет трубку, спать будет в другом месте.

– Где это? У тебя?

– На нарах!

Собеседница поперхнулась. Разговор явно свернул не в то русло. Тут уж было не до ревности.

– Слава, – услышала Мариша из трубки. – Славка... Просыпайся. Тут тебя какая-то баба требует.

– Пошла она...

– Тюрьмой угрожает.

– Отвали.

– Слава, да проснись ты! Во что ты еще влип, горе ты луковое?

Наконец даме удалось разбудить своего кавалера, и тот буркнул в трубку:

– Кто это?

– Ты зачем квартиру вскрыл, лишенец?

– А? Чего?

– Ключи у старика выкрал, в паспорт заглянул, думаешь, самый умный? Вычислили тебя! Собирай вещи. У тебя ведь условка?

– Отсидел я. Вчистую освободился.

– Все равно собирайся. На допрос поедешь.

И тут парень неожиданно взвыл:

– Блин, да когда же это закончится! Сколько можно! Уже три года, как освободился, а вы все от меня отстать не можете. Как только что-нибудь у вас на районе случится, сразу ко мне! Других, что ли, бедолаг вам нету?

– Но сегодня утром именно ты прокололся. Украсть ключи у собственного пациента – это надо быть совсем конченным придурком.

– Погодите, – буркнул Слава. – Какие ключи я украл? У кого?

– А то не знаешь!

– А вы напомните.

Что же, Мариша была готова.

– Я не гордая, напомню.

И напомнила. Парень слушал внимательно, а потом сказал:

– Нет, я не при делах. Меня там не было.

– Как же! Рассказывай!

– Вы меня не поняли, – спокойно повторил парень. – Меня в смене этой ночью вообще не было. Не работал я.

– Как? – опешила Мариша.

– Подменился.

– С кем?

Слава помолчал, а потом признался:

– Приятель мой – Вовка – за меня согласился порулить.

– А разве так можно? – удивилась Мариша.

Слава хихикнул:

– Нельзя. Но если очень хочется, то можно.

– И тебе разрешили?

– Сами посудите, я ведь не врач и даже не санитар. Баранку крутить – это всякий сможет. Тем более что Вовка на «Скорой» когда-то работал.

– А бросил чего?

– Сами бы поработали ночью на «Скорой», небось не стали бы спрашивать, – неожиданно огрызнулся парень. – Мы ведь людей с улицы подбираем. Редко когда такое счастье, что человек приличный, просто плохо ему стало. По большей части бомжи да пьяницы. Или наркоманы еще. Некоторые буйные, другие заразные, третьи просто воняют. Никаких денег с таким контингентом не захочешь. Чтобы на «Скорой» всю жизнь проработать, самому надо быть немножко двинутым. Вот мне врач с медсестрой такие и попались. Да еще верующие оба. Едут, либо молитвы бубнят, либо про святые места беседуют.

– Иеговисты? Сektанты?

– Нет, куда там. Наши. Православные. В какой-то храм оба ходят, не помню, как называется, в Осиновой роще он у них. Отец Анатолий в духовниках. Только о том и разговоры. В общем, устал я от них. Больным сказался, объяснил, что в последний момент живот скрутило, не приду я. Но чтобы их не подводить, друг за меня выйдет порулить. Они и согласились.

Мариша испытала разочарование. Воцерковленный врач и верующая медсестра вряд ли стали бы вскрывать квартиру папы и устраивать там подобный беспредел, какой застала сегодня утром Мариша. Значит, этих двоих можно было вычеркнуть из числа подозреваемых. На всякий случай Мариша позвонила медсестре – Нине Семеновне, которая подтвердила, что минувшей ночью с ними ездил шофер Володя, которого прислал себе на подмену занедуживший Слава.

– А в чем дело? – поинтересовалась женщина потом.

Мариша объяснила.

– Нет, ни я, ни Сергей Викторович не могли ограбить квартиру вашего папы.

– Вы знаете, о ком я говорю?

– Вашего папу прекрасно помню. Это был наш последний больной. Мы уже назад возвращались, вдруг он прямо у нас перед колесами упал. Он по телефону в этот момент разговаривал, телефон упал, разбился. Мы хоть его и подобрали, но аппарат уже был разбитый и нерабочий.

Что же, если женщина помнит даже такие подробности, то ей можно верить.

– Интересный такой мужчина, – продолжала вспоминать медсестра. – И как у него дела?

– Папа в порядке, в сознании, гранатов у меня попросил.

– Повезло ему. Если бы он чуток подольше на холодном асфальте провалялся, еще неизвестно, как бы все было. Мог и умереть. А так мы его мухой в больницу, в реанимацию, вот и выходили. Вы не волнуйтесь, теперь он у вас быстро на поправку пойдет.

– Спасибо вам на добром слове. Только боюсь, если папа узнает, что произошло с его квартирой, у него второй инфаркт случиться может.

– Много украли?

– Много. А испортили и переломали и еще больше.

– У Сергея Викторовича, даже если предположить, что он вдруг сошел с ума и сделал такое, на это элементарно не хватило бы времени. Он прямо с работы в аэропорт ехал. Они с другом в Грецию полетели. Ох, завидую я им!

– Почему? – удивилась Мариша. – Сейчас в Греции совсем прохладно. Купаться нельзя.

– Ну что вы, они не купаться, а на Святой Афон поехали, старцам и святым местам поклониться.

Марише стало стыдно за суетность своих мыслей. И еще она невольно восхитилась, что есть еще в наше время люди, которым есть дело до судьбы этого мира. На Афон ездят, молятся там. Потрясающие люди!

– А я тоже грабить квартиру не могла, внук у меня приболел, – продолжала медсестра. – Я пришла, невестка сразу же на работу убежала. Так с Ванькой и сидим, картинки из Святого Писания разглядываем.

– Слушайте, но если не вы, не этот ваш Сергей Викторович, то остается только Вовка. Он взял ключи от квартиры папы и ограбил его.

– Володя к вашему папе даже не приближался.

– Улучил момент, – стояла на своем Мариша. – Или вы из сочувствия его покрываете.

Но Нина Семеновна вместо того, чтобы обидеться, что Мариша подозревает ее в соучастии ограбления, произнесла:

– А почему вы вообще думаете, что ключи у вашего отца были при себе?

– Где же им было быть? Он с ключами из дому ушел.

– Когда мы его передавали в больницу, паспорт у него был, деньги какие-то были, еще мелочь всякая, зажигалка, а вот ключей я не помню. Не было их.

– Правильно! Потому что их Вовка этот до того уже спер!

– Не знаю, мне он показался хорошим мальчиком. Да и не приближался он к пострадавшему, за рулем сидел. Мне кажется, вы не в том направлении ищите.

– В смысле?

– Ваш отец дома не ночевал, правильно я понимаю? Вот бы вам и выяснить, с кем он ночь провел. И где он ее провел. Потому что, скажу вам честно, духами от него сильно паховало.

– Духами?

– Женскими духами. И так сильно и сладко пахло. Розой и еще лилией. Я еще удивилась приятно, редко у нас такое бывает, чтобы пациент прямо-таки благоухал на всю машину.

Пока ехали, спросила у вашего папы, что это за аромат такой. А он сказал, что не знает, дочь такими духами пользуется.

Дочь? Мариша? Но Мариша никогда не пользовалась сладкими, пахнущими розой духами, она предпочитала свежие ароматы, иногда запах ванили. Но никогда она не купила бы себе духи, пахнущие лилией. Не любила этот запах. И вообще, если говорить честно, то за последние месяцы Мариша едва ли использовала духи больше двух-трех раз. Да и то пользовалась она ими весьма умеренно. И уж точно от нее папа подцепить такой сбивающий с ног аромат никак не мог. Тогда о какой дочери идет речь?

И снова Мариша вспомнила, что у ее папы имелась еще одна дочка, конечно, тоже уже далеко не ребенок, а вполне себе сформировавшаяся особа двадцати, а то и двадцати пяти лет от роду. Общение между единокровными сестрами отсутствовало практически начисто – все из-за той же позиции Маришиной мамы, которая препятствовала или пыталась препятствовать общению Мариши с отцом и всем тем, что с этим человеком было связано.

Впрочем, Алиска со своей стороны тоже не слишком-то рвалась дружить со старшей сестричкой. И поэтому обоюдная холодность устраивала обеих. И как-то Мариша привыкла думать, что сестренка ее мирно проживает в городе Москве, откуда их папочка переехал. Но вдруг это не так? Или не совсем так. Но сейчас Мариша впервые задумалась о том, а что же она вообще знает о своей сестре. И получалось, что очень мало, практически ничего.

Глава 4

Впрочем, у Мариши еще была надежда, что ей удастся расколоть Вовку-шофера. Но он, сняв трубу, сразу же закричал:

– Говорите, только очень быстро, я сейчас дико занят.

На заднем плане раздавались какие-то крики и стук. Но крики не были воинственными.

– Справа поднажмите! – услышала Мариша мужские голоса на заднем плане. – Бревно криво идет!

– Вова, а ты где сейчас?

– Мы с батей в Окуловке, дом строим.

– Зимой?

– Сгорел у бабки дом неделю назад, вот и строим. Не куковать же ей до весны на пожарище?

– И давно строите? – поинтересовалась Мариша.

– С утра. Как приехали, так и строим.

– Держи! Держи! – раздались взволнованные крики. – Вовка... Чего ты там валандаешься?

И Вовка, охнув, прокричал:

– Ох, мать родная! Ушло! Простите, не могу говорить! Помогать надо.

Мариша осталась в недоумении. Не верилось ей в то, что человек, способный своими руками помогать строить дом из бревен, тем же утром мог другой дом перевернуть буквально вверх дном, да еще и присвоить себе приличную сумму наличными. Если у человека есть пять миллионов, зачем ему самому корячиться? Может нанять рабочих, чтобы за него поработали. Или вообще махнуть на отдых в теплые страны.

К тому же слова медсестры о том, что Володя-шофер даже не приближался к пострадавшему, заставили Маришу призадуматься.

Может быть, она и впрямь не в том направлении движется? Но как узнать, где и у кого провел папа минувшую ночь, если сам он об этом разговаривать категорически не желает? Поняв, что ее расследование на сегодня закончилось, Мариша направилась домой. Но сначала ей еще было необходимо заехать на рынок, чтобы закупить провизию для кормления больного. И Мариша, как любящая дочь, решила остановить свой выбор на одном из центральных рынков города, справедливо рассуждая, что пусть цены там и выше, но зато и выбор больше, и качество отличное, и обслуживание лучше.

Да, но она не ожидала, что цены будут настолько ВЫШЕ. Мариша не бывала на рынках уже почти год, как-то необходимости такой не возникало. Себе и детям она покупала продукты либо в супермаркетах, либо в небольших фермерских магазинчиках, либо в сети фирменной торговли. Видимо, не стоило и сворачивать с этого пути. И чего ее понесло на этот рынок? Приятно, конечно, поговорить со словоохотливыми продавцами за жизнь, приятно угоститься «на халяву» кусочком-другим вкусенького, который тут повсюду предлагают на пробу. Но цены! Цены – это было что-то неслыханное.

Пройдя вдоль рядов, Мариша увидела объявление: «Элитная говядина».

Но подойдя ближе и приценившись к упомянутой говядине, которая внешне ничем не отличалась от обычной, Мариша пришла в ужас. Понравившийся ей кусок мяса мог сравниться по цене если не с золотом, то уж с серебром – это точно.

– Слушайте, но это же какие-то нереальные цены. Откуда вы их только берете?

В ответ продавец изложил Марише теорию о том, как данное животное паслось на вольном выгоне, в корм получало исключительно траву, жмых и овсяные отруби, которые и

позволили мясу стать экологически чистым продуктом, который и стоил соответствующих денег.

– Но почему так дорого?

– А вы много не берите.

– Где уж тут много брать! На бульон взять и то дорого.

– Наши предки мясо лишь по праздникам у себя на столе видели, потому и здоровы были.

– Во-первых, все равно болели, – упрямылась Мариша. – А во-вторых, почему у других продавцов мясо дешевле?

– Конечно, можете взять мясо у тех, кто растит скотину специально на убой, – презрительно фыркнул молодой пацан, годящийся Марише в сыновья, который и занимался торговлей элитной говядиной. – Они и антибиотиками не стесняются животных пичкать, и стимуляторами роста, и прочей химией. А у нас все свое, родное, от земли-кормилицы. Сами растим!

При этом вид у продавца был совершенно городской. А на руках даже просматривалось нечто вроде маникюра. С трудом верилось, что он такими руками подносит скотине экологически чистое сено или убирает за ней такой же экологически чистый навоз. Мариша пошла дальше, нашла симпатичную простую тетеньку, у которой купила кусочек мяса с мозговой косточкой по вполне приемлемой цене. По крайней мере, по сравнению с экологически чистым продуктом, предложенным Марише раньше, цена выглядела приемлемой.

Дальше наступила очередь моркови, которая тоже разнилась у продавцов очень сильно. Оказалось, что все они растят овощ исключительно на природном удобрении, даже минеральных подкормок не добавляют, а уж про нитраты и пестициды и слышать даже не хотят, но тут опять же был один фокус. Если сам продавец утверждал, что его товар наилучший, то сосед уже твердил обратное. И в свою очередь нахвалялся своим товаром.

В результате Мариша купила три килограмма моркови у трех продавцов, рассудив, что хотя бы одна из партий окажется сладкой и пригодной для приготовления сока. Последней частью были гранаты. Вот уж тут Мариша получила истинное удовольствие от процесса покупки. Горячие южные парни наговорили ей столько комплиментов, что, кажется, хватило бы на всю жизнь. Одно плохо, стоило отойти от одного и подойти к другому, как первый ужасно обижался и принимался осыпать изменившую ему клиентку такими проклятиями, что лучше бы уж он ей и комплиментов до того не говорил.

Все же Мариша купила все необходимое и поехала к своим. Дома ее уже с нетерпением ожидали.

– Где ты была? – кинулась к ней Катя. – Мне уроки надо делать, а бабушка ничего не понимает! Она меня в столбик считать учит, а нам надо на числовой оси цифры складывать!

Тут же появилась мама, которая заявила:

– Ерунду детям в голову вбивают. Еще бы по пальцам считать учили! Надо в столбик!

– Нет, по числовой оси!

– Это не беда, – произнесла Мариша, опуская тяжелый пакет на пол. – Результат ведь в обоих случаях все равно правильный получается.

Ее мама подозрительно покосилась на пакет и спросила:

– Чего это ты там накупила?

– Так... На рынок заехала.

– Надеюсь, это не для твоего драгоценного папочки?

Мариша промолчала.

– Нет, – упрямылась Катюша, – в столбик нам нельзя. Меня учительница заругает.

Мама в это время уже сунула нос в пакет, и лицо ее нахмурилось еще больше.

– На рынке была, я вижу. Орешки-то с курагой для кого?

- Для нас всех.
- Попробовать можно?
- Хоть все скушай.

Мама повеселела и утащила Катюшу на кухню, угощать лакомствами. Ну а Мариша отправилась в ванную, чтобы сполоснуть лицо и руки.

Но едва включив свет в ванной комнате, Мариша обнаружила, что в самой ванне стоит клетка с попугаем Кокочкой, который не стал церемониться и сердито сообщил хозяйке:

- Все дурр-раки!
- Мама, а почему попугай в ванне?
- Я его там мыла!

Мариша присмотрелась и обнаружила, что прутья клетки усеяны мельчайшими капельками воды, поддон мокрый, да и сам Кокочка выглядит, как бы это сказать, не вполне сухим.

Увидев хозяйку, попугай заметался по клетке, сигнализируя, что у него проблемы. Мокрые крылья плохо его слушались, но попугай не сдавался. Он цеплялся клювом и когтями за прутья клетки и возмущенно орал:

- Полный дурдом!

Марише пришлось извлечь попугая из клетки, причем от злости он даже цапнул ее слегка за палец, чего в обычном состоянии никогда не делал. Но Мариша не рассердилась, она понимала – у Кокочки есть все основания быть недовольным своими хозяевами. Мало того, что он с самого утра ничего не ел, так еще и душ против воли заставили принять. А потом вместо того, чтобы обсушить под теплой лампой, оставили одного, да еще не на свету, а в темной ванной комнате. Одного-одинешеньку, мокрого, голодного... Караул!

– Бедный Кокочка! – квохтала над попугаем Мариша. – Маленький! Замерз! Сидит тут, хороший такой попугайчик, никого не трогает, умница ты наш.

Завернув попугая в теплое пушистое полотенце, так что наружу торчала только его голова, Мариша осторожно поддула на него теплым феном, потом слегка его развернула и, пользуясь тем, что попугай сменил гнев на милость, подсушила феном и его тельце с лапками. После чего включила лампу, перенесла под нее клетку и дала попугаю корма, который тот принялся клевать с такой жадностью, что некоторые зернышки даже падали у него мимо клюва прямо на пол клетки. Но попугай не обращал на это никакого внимания, правду сказать, он был порядочным неряхой.

Муся – морская свинка, проживающая по соседству с попугаем, обладала отменным аппетитом. И относиться спокойно к тому, что кто-то трапезничает, в то время как ей ничего не перепадает, Муся просто не могла. Она подняла дикий визг, пришлось дать ей яблочка, а заодно сунуть кусочек и Кокочке, который теперь уже не знал, что ему и клевать. Питательный корм или вкусное яблочко? К счастью, на рынке Мариша купила еще и свежего салата, который с равным удовольствием любили оба ее домашних питомца. И вскоре между ними всеми воцарились мир и дружеская гармония.

Вообще сытый желудок способен любого очень со многим примирить в этой жизни. Некоторые говорят, что того же эффекта можно добиться, имея чистую душу и такую же совесть, но полный желудок позволяет добиться этого с куда меньшими затратами.

На квартиру своего отца Марише удалось вырваться лишь ближе к вечеру, когда все домашние дела были уже сделаны и каждый из ее домочадцев получил от Мариши свою долю заботы и внимания.

Гранаты, купленные для деда, были детьми продегустированы и одобрены. Морковь из всех трех партий оказалась идеальной для приготовления сока, продавцы не соврали. Однако Мариша решила, что сок будет готовить завтра, перед выходом. Это дело быстрое, если под

рукой есть соковыжималка, а она у Мариши имелась. Так что на сегодня ее хозяйственные хлопоты были закончены, можно было продолжать начатое расследование.

– Я выйду ненадолго.

Дети отреагировали вяло. Каждый был занят своим гаджетом.

– За мясом следите. Слышите?

– Ага.

Можно было не сомневаться, что никто из троих и носа на кухню не сунет. Но ничего. Кастрюля с будущим говяжьим бульоном стояла на плите, томясь на самом маленьком огне, какой только было возможно устроить. Вода не булькала, этого нельзя было допустить ни в коем случае. Если заглянуть в кастрюлю с правильным бульоном, то непосвященному человеку должно было показаться, что он и не варится вовсе. И лишь приняхавшись, можно было уловить мясной аромат, поднимающийся от поверхности бульона. Только так и никак иначе можно было добиться той самой необходимой прозрачности, которой нельзя было достигнуть ни осветлением бульона яичным белком, ни процеживанием через несколько слоев марли, ничем иным.

Итак, на душе у Мариши полегчало. Старшие дети вернулись из школы, Катюша сделала уроки, и даже мама отправилась к себе домой с чувством выполненного долга. Впрочем, перед уходом она спросила у дочери:

– Угроза для его жизни есть?

– О чем ты?

– Не о чем, а о ком! О твоём любимом папочке!

– А-а-а... Нет, угрозы для его жизни нет, – и поспешила прибавить: – Больше нет.

– Жаль! – проронила мама с таким выражением лица, что Марише стало страшно. – Очень жаль. Лучше бы он сдох!

И Мариша поняла, что даже болезнь не способна примирить ее мать с отцом. А возможно, что и его смерть не поможет. Что же такое умудрился совершить ее милый папуля, что мама даже спустя столько лет не может простить его? Тем более что Антонина Семеновна в обычной жизни отличалась миролюбием и признаков злопамятности, кроме случая со своим бывшим мужем, не проявляла.

Мариша со своей мамой никогда на эту тему не разговаривали, у Мариши язык не поворачивался спросить. Сама она, когда папа ушел от них, была еще совсем маленькая, помнить ничего о взаимоотношениях родителей не могла. В разговорах с дочерью мама эту тему тоже никогда не поднимала. А с родственниками с отцовской стороны старалась не общаться, хотя совсем запретить Марише видеться с ними тоже не могла. И единственное, что удалось узнать Марише от своей тетки, – это было то, что отец изменил ее матери. Никаких подробностей тетка Марише не рассказала, возможно, потому, что и сама их не знала.

Оставалось лишь догадываться, что там произошло между мужем и женой. Ну, казалось бы, изменил и изменил. Со всяким может случиться. Что же теперь, до гробовой доски изменника недобрым словом поминать? Тем более что развелись много лет назад, были потом у Мариши и отчим, и мачеха, давно та история с изменой должна была быльем пораста, а вот поди же ты, оказывается, мама по-прежнему ненавидела ее отца.

Поэтому Мариша не стала говорить маме о том, что завтра снова собирается навещать отца в больнице. И уход ее встретила с облегчением. Все это напоминало ей какой-то театр абсурда. Почему она, взрослая замужняя женщина, сама уже мать, должна лавировать и прибегать к уловкам, чтобы повидать своего заболевшего отца? И все это из-за непонятной затянувшейся вражды между ее матерью и ее же отцом.

Мариша отправилась вечером в квартиру к отцу с одной лишь целью: она хотела навести у него дома порядок. Утром она не стала ничего там трогать, потому что спешила в боль-

ницу. Забрала лишь медицинский полис и побежала. Но дала самой себе слово, что вечером, как только освободится, обязательно ликвидирует погром в квартире папы.

Каково же было ее удивление, когда она обнаружила, что порядок этот восстановился словно бы сам собой.

– Ничего не понимаю!

Конечно, разбитые или сломанные вещи назад не вернулись, но следы погрома исчезли совершенно.

– Невероятно!

Мариша приготовилась к долгой и нудной уборке, а открыла дверь и ахнула. В растерянности стояла и озиралась по сторонам. Что тут произошло? Какое чудо случилось?

Все уцелевшие вещи были аккуратно расставлены, хотя и не по своим местам, а как придется, но все же порядок в квартире был восстановлен. Полы сверкали безупречной чистотой. Вещи были убраны. Мебель расставлена. И даже окна, как показалось Марише, были вымыты.

Она тут же бросилась к соседке, живущей напротив.

– Вы не скажете, кто сегодня после моего ухода приходил к папе?

Соседка словно только того и ждала.

– Две женщины приходили. Около трех часов дня. Нерусские. Вместе с ними на лифте поднималась. Чего-то на своем языке стрекочут, а чего – и не понять. Потом смотрю, в квартиру вашего папеньки сунулись. С ведрами завялились, с тряпками и швабрами. Я поняла: в какой-то компании работают, которая на уборке помещений специализируется.

– И кто их пригласил?

– Я думала, что вы.

– Я не приглашала.

– А они сказали, что дочь хозяина им вызов сделала.

– Дочь?

Вот и снова Мариша слышала про эту таинственную личность. Неужели Алиска из Москвы вызвала уборщиц?

– Они только вдвоем были? Никого с ними больше не было?

– Нет.

– Как же они дверь открыли?

– Ключи у них были. Я думала, вы с отцом им дали.

Мариша покачала головой. Происходящее стало ей казаться все более и более чудным.

– А чего? – проявила озабоченность соседка. – Пропало чего из квартиры?

– Да, мне так кажется.

– Ох! – неподдельно испугалась соседка. – Так ты им позвони! В эту их фирму... Как ее, «Солнышко».

– Какую фирму?

– Ну ты даешь! Не помнишь, откуда уборщиц вызывала?

– Говорю же, не вызывала.

Однако Мариша начала уже кое-что смекать и потому спросила:

– Значит, фирма их называется «Солнышко». Вы уверены?

Соседка посмотрела на нее с нескрываемым удивлением, но все же ответила:

– Конечно. На куртках у них логотип был нашит в виде солнечного полукруга с расходящимися лучиками. Как тут спутать?

– Спасибо вам.

И уходя, Мариша уточнила:

– А кроме этих двух женщин больше никто не приходил?

– Больше я никого не видела. Только ты да эти две со швабрами заявились. Всего-то около часа как закончили и ушли отсюда.

Около часа! Ах, чтобы Марише заявиться сюда пораньше. И ведь хотела! Да потом захлопоталась, закрутилась по хозяйству. Бульон этот поставила варить, будь он неладен. А ведь чувствовала, что надо бы поторопиться, но решила взять себя в руки, сначала сделать дело, а потом уж уделить потехе час. Вот и не позволила своей интуиции сработать. А как жаль!

– И что мне стоило чуть пораньше зайти? Застала бы уборщиц в квартире, смогла бы выяснить, кто их нанял.

Ведь кто-то должен был заплатить им за работу. Конечно, у Мариши оставалась слабая надежда, что это мог сделать ее отец, но прежде папа никогда в подобной любви к наведению чистоты и порядка у себя в квартире, пусть и чужими руками, замечен не был. Он и здоровым-то никогда особенно не волновался, чистый у него пол или не особенно. Или это на него страх смерти так подействовал? Не хотел умереть, оставив после себя в квартире грязь?

И все же Марише казалось невозможным, чтобы отец добровольно позволил каким-то посторонним теткам приблизиться вплотную к его сокровищу. Ведь уборщицы, они такие проныры, всюду свой нос засунут. Могли и до книг со спрятанными в них деньгами добраться. И кто бы уследил, вздумай они присвоить себе часть денег? Папа в больнице. Мариша не в курсе.

Мариша, едва зайдя в квартиру, первым делом убедилась, что все книги-тайники стоят на книжных полках. Избавившись от черепков и осколков, уборщицы по какой-то причине не решились выкинуть эти изувеченные книги. Они их протерли и вернули на книжные полки. Разумеется, вложить в них начинку они не могли.

И Мариша снова принялась шевелить мозгами, пытаюсь понять, кто же может стоять за таким дерзким и наглым ограблением ее папы. Кто еще мог? У кого были ключи?

И тут Мариша вдруг вспомнила, что медсестра со «Скорой» сказала, что ключей у ее папы при себе не имелось. Значит, он мог их потерять, или их у него могли украсть. Но где? Вряд ли к нему просто так на улице подошли карманники и вытащили ключи. Ведь сами по себе ключи без адреса проживания бесполезны.

– Возможно, они и паспорт вытащили? Вытащили, а потом обратно вернули?

Но тогда это получались какие-то виртуозы своего дела. Вытащить ключи, вытащить паспорт, изу-чить последний на предмет прописки, а потом так же незаметно вернуть документ обратно, это надо быть карманником высшей квалификации. А паспорт был возвращен отцу. Ведь в больницу отец приехал с паспортом.

Конечно, Мариша видела подобных фокусников в различных шоу-программах, но сомневалась, чтобы такое было под силу в обычных уличных условиях.

– А что, если фокусник подошел к папе вовсе не на улице? Или это был вообще никакой не фокусник!

Ведь медсестра также упомянула и о запахе женских духов, которыми папа был буквально пропитан. Так основательно пропахнуть можно было только в одном-единственном случае, если бы папа провел с этой ароматной женщиной достаточно долгое время и был бы с ней в самом тесном контакте.

– Боже, та молодая девушка!.. Папа провел ночь у любовницы, которая его и ограбила!

Теперь последние сомнения оставили Маришу. Все ясно, отец связался с какой-то аферисткой, которая и выкрала ключи, а потом ограбила квартиру, вынеся из нее самое ценное – деньги.

– А адрес она знала и так. Была ведь уже у папы! Соседка их видела вдвоем.

Все вставало на свои места. Безумная ночь с молодой любовницей заставила изношенное сердце папы биться в усиленном режиме, чего оно не выдержало.

– А возможно, эта гадина ему еще чего-нибудь и подмешала!

Мысль о том, что ее папа и сам мог принять какое-нибудь возбуждающее средство, чтобы не ударить в грязь лицом перед молодой пассией, Мариша старалась прогнать из своей головы. Тогда получалось, что виноват во всем один лишь папа, не уберегся, не подстраховался, сгруппил. А Марише не хотелось так думать о своем отце. Гораздо легче было обвинить во всем незнакомую молодку и предъявить претензии уже ей.

– Тем более что грабить сам себя папа точно бы не стал.

Но кто была эта женщина? Конечно, это знал сам папа. Но как выяснить у него имя его любовницы, не сказав правды о том, что эта любовница учинила? А говорить папе правду было никак нельзя. Врачи предупредили Маришу, что ее отцу сейчас необходим строжайший покой. И хотя они имели в виду физический покой, но и лишнее волнение папе тоже на пользу бы не пошло.

– И что же мне делать? Куда идти?

Искать следы любовницы в папиной квартире сейчас, когда там похозяйничали две трудолюбивые уборщицы, которым даже окна протереть оказалось не лень, было совершенно бесполезно. Но возможно, они там были раньше? И уборщицы нашли их во время своей работы?

– Надо съездить в это «Солнышко» и разобраться, кто дал им отмашку.

Но легко сказать, съездить. А куда съездить? Какой адрес у этой организации?

Вернувшись домой, Мариша взяла планшет и вбила в поисковик необходимый запрос. Поисковик выбросил ей слишком много ссылок на «Солнышко», но все это было не то. Одних только детских садов оказалось целых три штуки. Потом еще был солярий, частный пляж, санаторий и еще куча ссылок, копаясь в которых Мариша поняла, что может просидеть так всю ночь, а ничего толком не найти. Тут требовался специалист, который во всем этом виртуальном мусоре сумел бы найти одно-единственное зернышко. И такой специалист у Мариши на примете был.

Конечно, звали его Артем. И Мариша недолго думая, позвонила ему. Артем трубку снял, но обрадовался звонку своей старой подруги не слишком. Откровенно говоря, совсем даже не обрадовался.

– Слушай, ты чем думаешь? Ты на часы смотрела? Сколько там натикало, а?

– Одиннадцать часов вечера, – машинально ответила Мариша.

– Ну и о чем это говорит?

– У меня проблема.

– А у меня дети спят.

Мариша жалобно посопела в трубку, и Артем, который был в душе немножко мямлей, тут же расчувствовался и сказал:

– Ладно уж, коли все равно всех перебудила, говори, что у тебя там.

– Мне надо найти фирму, которая занимается уборкой жилых, а возможно, и не только жилых помещений. И называется она «Солнышко».

– И это все?

– Да. Адрес этой фирмы и желательный телефон.

– И ты с такой ерундой не можешь справиться сама?

– Представляешь, третий час сию с перерывами, но ничего подходящего так и не нарыла.

– И когда тебе нужна инфа?

– Ну... утром.

– Утром ты ее получишь, – заверил подругу Артем и отключился.

А Мариша, успокоенная его обещанием, тоже отправилась спать. Она знала, слово Артема крепко. Если уж пообещал, то в лепешку расшибется, а сделает. Такой уж он человек.

Если один раз пообещал о ком-то заботиться, то нипочем от своего не отступится. И в твердой уверенности, что утром у нее будет по крайней мере одна зацепка, как ей продолжать свои поиски, Мариша закрыла глаза, расслабилась и уже через несколько минут спокойно и крепко спала, как может спать только человек, который сделал все, что в его силах, и теперь хочет эти самые силы восстановить.

Глава 5

Утром Мариша захлопоталась, надо было собрать детей в школу, а Катюшу так еще и довести до учебного здания и сдать там с рук на руки учительнице. Марише удалось договориться с педагогом, что сегодня в виде исключения Катюше можно будет остаться на продленке. Все-таки какие хорошие и душевные у нас люди! Вошли в положение, обошлись без бюрократических штучек.

Но не успела Мариша так подумать, как услышала:

– А заявление напишите и подпишите задним числом.

Ну, хотя бы так.

Лишь после того, как Мариша сдала племянницу, она почувствовала себя относительно свободным человеком. Артем до сих пор ей не звонил, и это было несколько странно. Но стоило Марише подумать про Артема, как он ей позвонил.

Голос приятеля звучал скованно и даже как-то смущенно.

– Слушай, – произнес он, – а ты уверена насчет названия?

– Да. Мне так сказали. А в чем дело?

– Видишь ли, у нас в городе клининговых фирм с таким названием попросту нет.

Мариша молчала. Она просто не знала, что сказать. Но одно она знала точно. Если Артем утверждал, что такой фирмы нет, значит, ее и впрямь не было.

– Не понимаю, – пробормотала Мариша. – Такая фирма должна быть. У них и эмблема есть.

– Какая?

– Солнечный полукруг с расходящимися в разные стороны лучами.

– Полукруг? В смысле, половинка солнца?

– Да.

– Ладно, я попробую через логотип пробить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.